

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

**ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Журнал научных публикаций

Электронное научное издание

Выходит два раза в год

№ 1 (16)

Москва 2022

**INSTITUTE OF LINGUISTICS,
Russian Academy of Sciences**

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 1 (16)

Moscow 2022

ISSN 2218-1393

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

О. А. Гулыга (отв. секретарь)

В. З. Демьянков

П. С. Дронов

А. В. Дыбо

Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)

Д. Б. Никуличева

Н. М. Разинкина

Н. К. Рябцева

К. Я. Сигал

И. И. Чельшева

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katólicka univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont).

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2022-16-1-4-19

О процессах специализации некоторых грамматических ресурсов в современном немецком языке

Н.С. Бабенко (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются грамматические явления и процессы, которые отличаются в современном немецком языке специфическими свойствами с точки зрения их участия в маркировании некоторых функций категориального порядка: безличности с помощью элемента *es*, чужой речи посредством форм конъюнктива I и гендерности в ее специфическом оформлении. Делается попытка дать этим разнородным явлениям трактовку с позиций идиоэтничности как проявления отличительных (национальных) черт в грамматическом строе немецкого языка.

Ключевые слова

Грамматический строй языка, безличность, косвенность, гендерность, уникальность, идиоэтничность.

Если рассматривать современный немецкий язык с точки зрения своеобразия организации отдельных участков его грамматического строя (в терминах В.Г. Адмони как системы отношений и системы построений), существенным образом отличающихся в сопоставительном плане от выражения некоторых языковых категорий в других языках, в частности, русского, то обнаруживаются довольно отчетливые особенности в использовании грамматических средств языка в направлении их специализации как маркеров, указывающих на категориальный характер этого процесса в немецкой грамматике. Далее для рассмотрения в указанном ракурсе предлагается группа явлений, свойственных современному

немецкому языку, которые представлены на разных участках его системы и которые имеют самостоятельную значимость как специфические грамматические ресурсы, выступающие маркерами реализации таких категориальных функций, как безличность, косвенность и гендерность.

Функциональная специализация грамматических средств — это развитие у грамматической формы категориальных признаков, которые определяют ее (грамматической формы) специфическое положение в системе языка с точки зрения жесткой связи формы с определенной функцией. Такого рода явления располагаются на участках языковой системы, которые отличаются известной уникальностью и допускают трактовку в терминах идиоэтничности.

Категория безличности и ее грамматические проекции

Приемы «обезличивания» характеризуются в немецком языке рядом специфических свойств, которые непосредственно связаны с использованием элемента *es* как маркера безличности. Обращают на себя внимание масштабы присутствия *es* в строе немецкого языка, возможности его использования в составе немецкой речи и роль данного элемента в реализации основных законов и категорий немецкого языка. Если опираться на метафору И.И. Ревзина о «мирах», описание которых входит в задачи грамматики, гарантирующей правильное построение фраз из области обыденных смыслов [Ревзин 2007, 51], то применительно к элементу *es* эта метафора работает идеально точно: «миры», которые описываются в немецком языке при участии «словечка *es*», по выражению В.Г. Адмони, весьма разнообразны и нетривиальны как по своему формальному выражению, так и по когнитивному, коммуникативному, семантическому и стилистическому содержанию, что делает элемент *es* идиоэтнически значимым маркером немецкого языка, с помощью которого обеспечивается режим безличности в сугубо специфических формах, требующих изучения и категоризации как в рамках системы, так и в рамках коммуникативного подхода к функционированию языка.

Глубина проникновения элемента *es* в систему немецкого языка весьма велика. *Es* не имеет ограничений по линии персональности, как неопределенно-личное *man*. Напротив, значения, функции и роли *es* настолько разнообразны, что интерпретация этого элемента в грамматической традиции и в лексикографии пока не может претендовать на полноту охвата существующих явлений и достаточную степень их детализации; в случае с *es* лингвистам приходится прибегать к поиску инвариантных моделей построений с *es*, за рамками которых остается множество других разнообразных явлений.

Благодаря своему местоименному происхождению *es* является полноправной единицей словаря. Прямое значение *es* прочно удерживается в местоименной парадигме немецкого языка в 3-м лице ед. числа и как чисто грамматическая единица *es* является субститутим имени предшествующего контекста. Обозначение *es* как «безличное местоимение» оправдано только по отношению к местоименной парадигме.

Другие линии развития функций слова *es* связаны с разными аспектами синтаксиса. По этой причине все сведения об использовании *es* в составе предложений оказываются разнесенными по разным разделам грамматики в зависимости от того, в выражении каких категорий участвует этот элемент. Если перечислять все проекции слова *es* на синтаксис немецкого языка, то получится довольно внушительный список категорий, в выражении которых *es* участвует (более подробно см.: [Бабенко 2022]). Ниже приводятся категории, наиболее значимые для строя немецкого языка.

1. Элемент *es* в неличном значении входит в состав безличных предложений и указывает на отсутствие референции к прочим объектам действительности, кроме тех, которые названы в предикате: (*Es regnet* ‘Идет дождь’; *Es brennt* ‘Пожар!'; *Es geht* ‘Все хорошо’). Безличность в немецком языке имеет двусоставную природу и маркируется элементом *es*, которое выполняет типизирующую функцию «обезличивания» представленного в высказывании события, в чем немецкий язык существенно отличается от русского, где «обезличивание» встречается намного чаще и в более разнообразных формах [Зеленецкий, Монахов 1983, 151].

Развитием этой функции можно считать вхождение *es* на облигаторной основе в состав специфической для немецкого языка и очень частотной конструкции со строго фиксированным глаголом и объектом в косвенном падеже: *es gibt+Akk — Es gibt einen guten Grund zum Feiern* 'Есть хороший повод для праздника'. Не обладая никакой информацией о внеязыковой действительности и будучи семантически ненагруженным, элемент *es* образует с глаголом *geben* семантически не членимое целое и указывает имплицитно на наличие постоянного семантического признака со значением «иметь место — быть в наличии — существовать» [Зеленецкий, Новожилова 2003, 15], который эксплицируется в именной части конструкции. По данным корпуса немецкого языка, составленного в университете Лейпцига, глагол *geben* 'давать' располагается на 7-м месте по частотности среди глаголов *werden* 'становиться', *haben* 'иметь', *können* 'мочь', *sollen* 'долженствовать', *sagen* 'говорить' [Павлова, Светозарова 2012, 156]. Можно предположить, что высокая частотность данного глагола связана с употребительностью конструкции *es gibt...*, в которой глагол *geben* несколько модифицирует свое прямое значение «давать» в сторону широкозначности, свойственной вспомогательным глаголам.

2. Элемент *es* обеспечивает в немецком языке характерную для германских и романских языков двусоставность предложения. Немецкие предложения всегда двусоставны, и избежать в них местоимений в активных конструкциях невозможно. Это могут быть неопределенно-личное местоимение *man*, безличное *es*, личное *wir* [Павлова, Светозарова 426]. Слово *es* обеспечивает двусоставность немецкого предложения, которая должна быть выражена хотя бы потенциально в рамках субъектно-предикатной структуры: *Es ist ratsam... Целесообразно ...*. Есть все основания говорить, что в немецком языке наряду с формальной двусоставностью, маркируемой в начальной позиции элементом *es* в комбинации с глаголом, существует и глубинная семантическая двусоставность, которая является результатом акта обезличивания и появления двух семантических зон: констата-

ция некоторого обобщенного семантического признака (иметь место) и его развития в семантике конкретного вербально выраженного события [Зеленецкий, Новожилова 2003, 16].

3. Элемент *es* управляет порядком слов в предложении и не допускает того, чтобы стилистически нейтральное повествовательное предложение начиналось личной формой глагола. *Es* прикрывает, защищает личную форму глагола, смещая ее на типичное второе место: *Es werde Licht!* 'Да будет свет!'. *Es* в начальной позиции вызывает инверсию, благодаря чему все высказывание оказывается под прикрытием. По этой причине *es* квалифицируется как вводящее слово, как «заполнитель» первого места в предложении. Элиминация элемента *es* и превращение его в факультативный элемент возможны в случаях, если необходимо достигнуть какой-либо прагматический эффект высказывания. Но в большинстве моделей предложений элемент *es* выступает облигаторным компонентом и топологически тяготеет к тому, чтобы располагаться ближе к глагольному предикату, если первая позиция в предложении занята обстоятельственным членом: *Vielmehr liegt es in der Natur aller geschichtlichen Bewegung...* 'По большому счету дело заключается в природе всякого исторического процесса...'.

4. Если и далее проводить сравнение немецкого языка с русским в русле рассматриваемой проблематики, то в поле зрения попадают регулярные грамматические явления, специфические для немецкого языка, — так называемые, квазистрадательные формы, образованные от непереходных глаголов, например: *Es wird gefeiert* 'Вот и праздник, Все празднуют'; *Es wird Schritt gefahren* 'Ехать со скоростью пешехода'. Реально это не пассив, ибо «истинный» пассив образуется только от переходных глаголов. В такого рода конструкциях все высказывание с бессубъектным, или иначе безличным пассивом, благодаря *es* в начальной позиции оказывается под прикрытием этого элемента [Найдич, Павлова 2015, 270].

5. Элемент *es* активно участвует в создании моноремных высказываний разнообразной семантики, что является специфическим для немецкого языка способом маркирования коммуникативной структуры высказывания [Крушельницкая 1961, 200]. Так, между бессубъектным пассивом (*Es wird gefeiert*), репрезентативным предложением (*Es ist ein Stuhl*) и семантически безличными (*Es ist Abend; Es regnet*) существует сходство в использовании элемента *es*, которое заключается в **тяготении к одноактантности и снижению членимости** описываемого предложением события [Зеленецкий, Новожилова 2003, 110].

6. Очевидной является в немецком языке связь элемента *es* с актуальным членением предложения. В немецком языке существует специальная синтаксическая конструкция сложноподчиненного типа, в которой *es* выступает сильным рематизатором. Она используется для размещения ремы в начале предложения. Русского синтаксического соответствия этому явлению нет. Для демонстрации данного синтаксического феномена в немецком языке целесообразно обратиться к материалу русского языка. Например, фраза, вводящая повествование в рассказе А. Аверченко «Ложь», «Трудно понять китайцев и женщин» может быть при переводе на немецкий язык истолкована двояко. Если рематично слово «трудно», то в переводе на немецкий эта ситуация отразится в конструкции с инверсией инфинитивного оборота: *Die Chinesen und Frauen zu verstehen ist nicht einfach*. Но если ремой являются «китайцы и женщины», то для перевода подойдет специальная конструкция с рематизатором *es*: *Es sind die Chinesen und Frauen, die schwer zu verstehen sind* [Найдич, Павлова 2015, 204, 207].

Как показывает приведенный материал, касающийся употребления элемента *es* в немецком языке, его присутствие в высказываниях оказывается по большей части семантически избыточным, но функционально и структурно чрезвычайно нагруженным. Высказывания, включающие элемент *es*, представлены разнообразными моделями предложений; они манифестируют прямую связь элемента *es* с такими кардинальными свойствами немецкого предложения, как глагольность, двусоставность, относительно свободный по-

рядок слов; также очевидна связь бессубъектности, с семантикой глагола, с его грамматическими формами, а также с актуальным членением предложения. Все сказанное подтверждает статус элемента *es* как устойчивой идиоэтнической единицы немецкого языка.

Элемент *es* глубоко укоренился в немецком языке как оператор синтаксических отношений более сложного порядка, чем те, о которых уже говорилось. В современных грамматиках немецкого языка, например, выделяется **дейктическое** *es*, устанавливающее связи между частями сложного синтаксического целого. Специфической разновидностью этой функции выступает **коррелятивное** *es*, которое открывает позицию для **катафорического** выделения в предложении запольной части: *Ich lehne es ab, alles noch einmal zu sagen* 'Я не собираюсь все еще раз повторять'.

Функциональное назначение элемента *es* в немецком языке как маркера безличности, лишенного собственного содержания, но устанавливающего смысловые связи внутри высказывания и фрагментов текста, отчетливо демонстрируется в современном двуязычном немецко-русском словаре под редакцией Д.О.Добровольского: *es* «заменяет повторяющийся предикатив; **не переводится**»; выступает как «формальный объект; **не переводится**»; выступает «в функции формального подлежащего; **не переводится**»; «начинает предложение при перемещении подлежащего за финитный глагол; **не переводится**»; используется «в катафорической функции; **не переводится**». [Большой немецко-русский словарь 2008, 882].

Категория косвенности и ее связь с формами сослагательного наклонения

Очевидной уникальностью с точки зрения процессов специализации грамматических средств отличается в немецком языке сфера косвенной речи благодаря сформировавшемуся на регулярной основе механизме грамматического маркирования «чужой речи» с помощью системы глагольных форм конъюнктива. Данное в высшей степени системное явление, профильное для современного немецкого языка, восходит к историко-лингвистическим реалиям ранних эпох и активно развивается в своих морфолого-синтаксических и

лексических формах сообразно роли и прагматическим функциям косвенной речи в современных немецкоязычных дискурсах письменного образца.

Явление, о котором идет речь, предельно тривиально с точки зрения формы : в 3 лице ед. числа — местоименном показателе косвенности — к глагольной основе настоящего времени предиката присоединяется формант *-e*: *mache, weise, habe, werde, wolle* и т.д. *Diese Botschaft will laut Times auch Obama unter die Leute bringen. Er werde mit grosser Freude erklären, dass Trump ungeeignet sei, die Pflichten eines Praesidenten zu erfuellen, hiess es* ‘Этот послыл Обама, согласно Трампу, хочет донести до публики — будто бы он (Трампу) неспособен выполнять обязанности президента’ (Berliner Zeitung 2016, 2).

Исторически именно парадигма презентных форм конъюнктива I подверглась сильнейшему разрушению, которое выразилось в совпадении форм конъюнктива I с индикативом. Выжила только форма 3 лица ед. числа. Принципиально важным является то обстоятельство, что эта форма может быть образована от любого глагола без каких-либо исключений, не проявляя омонимии с формами индикатива: *habe/hat, sei/ist, werde/wird, koenne/kann, wolle/will, sage/sagt, gebe/ gibt* и т.д. по стандартному образцу во всех классах глагола. Таким образом, немецкий язык сохранил синтетические формы презенса конъюнктива I, что является проявлением некоторой структурной архаичности, но при этом модифицировал его исконные модальные значения потенциальности и желательности в модальность косвенности, которая образует в немецком языке особую грамматическую категорию. Возвращение конъюнктива I в современный немецкий язык, регенерация исконных формальных признаков конъюнктива I на отдельном участке его парадигмы для маркирования косвенной речи является весьма примечательным явлением современного немецкого языка.

Тексты, содержащие косвенную речь в оформлении конъюнктивом I, характерны для разных сфер: художественной, научной, публицистической. Протяженность пассажей с косвенной речью может быть неограниченно большой благодаря тому, что формы 3 лица.

ед. числа конъюнктива I однозначно определяют ее границы без поддержки дополнительных средств выделения, типа лексических; кардинальным признаком перехода в прямую речь является употребление любых глагольных образований, кроме формы 3 лица ед. числа конъюнктива I.

Laut New York Times warnte er gemeinsam mit anderen hochrangigen Demokraten davor, Trump zu unterschätzen. Es werde nicht ausreichen, darauf zu vertrauen, dass die Wählerinnen und Wähler sich gleichsam von selbst von Trump abwenden, weil sie von dessen Sprüchen über Immigranten und Muslime angewidert sind. Der Mann habe ein Gespür für Stimmungen in der Wählerschaft. Ihm sei nur beizukommen, wenn man ihn in einem abgestimmten Wahlkampf als gefährlich und bigot brandmarke. Selbst dann werde es immer noch eng ‘Согласно «Нью-Йорк Таймс», он, совместно с другими демократами высокого ранга, предупредил, что не стоит недооценивать Трампа. Недостаточно надеяться на то, что выборщицы и выборщики, так сказать, автоматически отвернуться от Трампа, потому что им отвратительны его лозунги об иммигрантах и мусульманах. Этот человек чувствует настроения электората. С ним можно справиться, только если во время скоординированной предвыборной кампании объявить его опасным и фанатичным ксенофобом. И даже тогда будет трудно’ (Berliner Zeitung 2016, 2).

Формализация приемов маркирования косвенной речи в немецком языке — это не латентный грамматический процесс в направлении специализации семантической функции: произошло соединение сильного грамматического ресурса с семантикой косвенности в рамках письменных форм, характерных для высших стилистических регистров немецкого языка. Развитие этого процесса с особой наглядностью проявляется в современной публицистике, в языке качественных СМИ. Данное обстоятельство связано с тем, что формы конъюнктива в немецком языке являются способом выражения аристократичности, книжности, образованности. В публицистике, в информационных текстах качественной прессы конъюнктив I занимает сильные позиции. Техника его использования для маркирования «чужого слова» относится к числу профессиональных компетенций прежде всего

журналистов. «Публицистический» конъюнктив I в форме 3 лица ед. числа однозначно доминирует и составляет 90,4% всех случаев употребления конъюнктива в косвенных высказываниях [Jäger 1970, 17].

В современном немецком языке отмечается резкий скачок употребительности форм конъюнктива как маркера косвенности по сравнению с языком довоенных и военных лет, поскольку в рамках тоталитарного дискурса косвенность как элемент информационных текстов была не столь востребована. Распространение форм конъюнктива I в языке газет немецкие грамматисты связывают с развитием политической системы, в которой представлены разные партии: язык стал осваивать новые задачи в условиях демократической общественной системы. Как транслятор разнообразной информации, имеющей разные источники, разное назначение, обращенной к многоликой читательской аудитории, язык стал опираться на уже существующий ресурс маркирования косвенности с помощью форм конъюнктива I. [Там же, 147].

Сильная формализация категории косвенности в письменном публицистическом дискурсе сопрягается в немецком языке с разнообразными значениями, которые трудно отделимы друг от друга и могут приобретать в зависимости от контекста тонкие смысловые оттенки. «Публицистический» конъюнктив I может указывать на вторичность информации, ее реферативный характер, на неопределенность источника информации, на некую чему не обязывающую информацию, на ее предварительный характер, на объективность информации при субъективном взгляде на ситуацию. При этом автор публицистического текста занимает позицию стороннего наблюдателя, дистанцируется от «чужой речи», снимает остроту высказывания и свою ответственность за чужие слова, не гарантируя истинность сказанного третьим лицом. Эти значения проявляют себя, как правило, в комплексе, а их реализация обеспечивается грамматическими средствами, которые благодаря своей категориальной однозначности в режиме непрямой коммуникации осуществляют в тексте своего рода хеджирование информации с заданными свойствами. Данное явление, харак-

терное для немецкого языка, можно рассматривать под углом зрения связи языка с социально значимыми процессами [Куссе, Чернявская 2019], среди которых стремление к языковому маркированию коммуникативной дистанции считается в немецкоязычном социуме обоснованной социальной практикой и поэтому реализуется достаточно последовательно, с долгосрочным эффектом и с глубоким проникновением в систему языка как специфически идиоэтнический феномен, имеющий социокультурную обусловленность.

Широкое распространение и доминирование конъюнктив I как показателя косвенности высказывания в информационном дискурсе, возвращение конъюнктив I через качественные печатные СМИ в письменно-литературную форму речи стало в современном немецком языке существенным фактом его функционально-стилистического развития, отмеченного чертами несомненного своеобразия. Данная особенность получила развитие и в другой сфере — в немецкоязычной художественной литературе, где использование конъюнктив I стало специфической проекцией процессов, происходящих в языке публицистики. Конъюнктив I как стилистический прием используется писателями для создания рафинированного, отмеченного яркими чертами индивидуальности повествования, в котором назначение конъюнктив I модифицируется сообразно художественным задачам (подробнее см.: [Бабенко 2016]).

Категория гендерности и приемы ее маркирования

Специализация языковых средств, образующих ресурсы немецкого языка, с особой наглядностью происходит в сфере, связанной с развитием в современной социокультурной ситуации явлений гендерной корректности и конструирования гендерной идентичности на базе языка. Немецкий язык развивает свой уникальный опыт специализации форм маркирования этих явлений. При этом важно отметить, что немецкий язык обладает весьма разветвленной системой средств выражения грамматического рода [Eisenberg, Sayatz 2006], и это обстоятельство не могло не повлиять на особенно острое восприятие проблем гендера в немецкоязычном обществе.

Словообразовательный суффикс женского рода *-in* искони используется как универсальное средство для обозначения лиц женского пола. Фаворизация образований с этим суффиксом происходила в Германии в рамках феминистского движения к гендерной корректности и оказалась встроенной в другой, более глубинный процесс конструирования вербальными и невербальными средствами гендерной идентичности в письменной коммуникации: *Teilnehmerinnen und Teilnehmer, Teilnehmer / Teilnehmerinnen, Teilnehmer/innen, Teilnehmer/-innen, Teilnehmer(innen), TeilnehmerInnen* [Nefedowa 2022, 299—300].

*Weltweit geben seit 12 Monaten die Ärzt*innen, Krankenpfleger*innen und Forscher*innen in den unterschiedlichen nationalen Gesundheitssystemen ihr Bestes, um trotz Corona für alle eine gute medizinische Versorgung zu gewährleisten* ‘В течение последних 12 месяцев врачи, медицинские сестры и исследователи из различных систем здравоохранения по всему миру изо всех сил стараются обеспечить хорошую медицинскую помощь для всех несмотря на коронавирус’ (из приглашения на конференцию, апрель 2021).

Феминистская критика немецкого языка развернулась в Германии начиная с 1970-х гг. и касалась обозначения людей разного биологического пола средствами языка. Фуруп произвела вышедшая в 1984 году книга Луизы Ф. Пуш «Немецкий как язык мужчин: Диагноз и терапевтические рекомендации» [Pusch 1984]. Автор возмущалась по поводу отсутствия в немецком языке слова «капитан» в грамматической форме женского рода — *Kapitänin*. Сегодня это слово никого не удивляет, а тогда оно казалось верхом экстравагантности. Кроме того, автора не удовлетворяло общепринятое обращение *Damen und Herren* «Дамы и господа», так как оно не охватывало тех лиц, которые не причисляют себя ни к тем, ни к другим (небинарные персоны).

Конструирование гендерной идентичности отражается в языке с помощью специальных гендерных маркеров, то есть социо- и лингвокультурных индексов, свидетельствующих о принадлежности говорящего / пишущего к определенному гендерному типу (или о выражении уважения к такому статусу партнера по общению) в соответствии с принципом *indexing gender*. Эти маркеры перечисляются в статье У. Цифонун по состоянию на

2018 год: 1) гендерная звездочка (*): *Wähler*innen* ‘избиратель*ницы’; 2) внутреннее I: *SchülerInnen* ‘школьники И школьницы’; 3) косая черта: *Schulpreisträger/in* ‘обладатель/ница школьной премии’; 4) двойные формы, то есть обозначения лиц разного биологического пола с помощью слов *und* ‘и’, *oder* ‘или’ и сокращения *bzw.* ‘или ... соответственно’: *Frauen und (oder, bzw.) Männer* ‘женщины и (или ... соответственно) мужчины’; 5) нижнее подчеркивание: *Zwölfklassler_innen* ‘двенадцатиклассники_ двенадцатиклассницы’ [Zifonun 2018, 44—48]. Весьма примечательным фактом является обилие рекомендательных справочников, связанных с гендерной тематикой, не обладающих кодифицирующей силой, но обеспечивающих ориентацию в спонтанных процессах. Практика маркирования гендера в немецкоязычной письменной речи развивается, и появляются и новые приемы, например, использование двоеточия, что не меняет сути процесса, но увеличивает диапазон возможных вариантов графического оформления гендерно отмеченных явлений — *Referent:innen und Teilnehmer:innen*. [Nefedowa 2022, 299—303].

В связи с гендерной тематикой обращают на себя внимание некоторые факты институционального порядка: превращение дискуссии вокруг гендерной корректности в общественно значимую проблему национального масштаба, с одной стороны, и своеобразный сепаратизм в решении лингвистических проблем вокруг гендера на уровне отдельных учреждений и учебных заведений, с другой. Ясно одно, что проблема специализации способов обозначения гендерной принадлежности средствами языка пока не имеет однозначного решения. Но немецкими лингвистами уже высказывают опасения, что размах, который приобрела эта проблема в немецкоязычном социуме, грозит нанести урон грамматической системе немецкого языка, в рамках которой сформировано достаточно устойчивое представление о грамматическом роде и его роли в языковом сознании носителей немецкого языка. Если принять во внимание актуальное состояние языковой системы, то возникшие в речевой практике массовые инновации под влиянием отдельных социокультурных групп не могли вызывать полного одобрения ни со стороны рядовых носителей языка, ни

со стороны специалистов, занимающихся кодификацией. Актуальная специализация языковых средств маркирования гендерной принадлежности особым образом обнаружила множество спорных моментов в грамматической системе немецкого языка, явную неуместность некоторых практик с точки зрения орфографии и орфоэпии, дала повод для поиска гендерно-нейтральных вариантов наименования лиц с использованием репертуара разнообразных средств немецкого языка. Гендерное конструирование как лингвистическая проблема продолжает развиваться в немецкоязычном социуме и позволяет выявлять нетривиальные связи между отдельными элементами и участками грамматического строя немецкого языка. Таким образом, немецкий язык оказался во множестве аспектов расположенным к маркированию гендера, прежде всего в письменной речи, и специализации средств маркирования. В фокусе лингвистических исследований оказались факты использования языка, связанные с реальным говорящим, со всеми его индивидуальными особенностями, определяемыми его социокультурной, профессиональной, национальной и гендерной принадлежностью.

Специализация языковых средств — это одно из проявлений изменений в языке, которые происходят сообразно влиянию внешних факторов; при этом развитие идет на базе тех потенциалов, которые существуют в самом языке [Куссе, Чернявская 2019]. Об идиоэтнической маркированности рассмотренных в статье процессов специализации грамматических ресурсов немецкого языка целесообразно, видимо, говорить, опираясь на понятие национально-специфических характеристик языка, которые формируются коммуникативным и социальным опытом на базе знаний о текстовых структурах. Косвенным подтверждением идиоэтничности рассмотренных явлений можно считать тот факт, что именно эти особенности строя немецкого языка служат источником ошибок для изучающих немецкий язык как иностранный.

Источники

Berliner Zeitung, 2016, № 55.

Литература

Бабенко Н.С. Категория косвенности в информационной структуре немецкоязычного публицистического дискурса // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М.: Гнозис, 2016. С. 194—202.

Бабенко Н.С. Феноменология безличности и ее проекции в немецком языке // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том XIX. М.: Флинта, 2022. С.30—50.

Большой немецко-русский словарь. Под общим руководством Д.О. Добровольского. В трех томах. Том 1. М.: АСТ: Астрель, 2008.

Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: Просвещение, 1983.

Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. Учебное пособие. М.: Академия, 2003.

Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961.

Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019, 16 (3). С. 444—462.

Найдич Л.Э., Павлова А.В. Трубочист или Лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. СПб.: Златоуст, 2015.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2012,

Ревзин И.И. Структура немецкого языка. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2009.

Eisenberg P, Sayatz U. Kategorienhierarchie und Genus. Zur Abfolge der Derivations-suffixe im Deutschen // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том II. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 27—46.

Jäger S. Empfehlungen zum Gebrauch des Konjunktivs (=Sprache der Gegenwart. Bd.X). Düsseldorf: 1970.

Nefedowa L. Lexikalische Diversität der Sprache: Reichtum oder Überflüssigkeit? (am Material der deutschen Lexik 2020/2021) // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том XIX. М.: Флинта, 2022. С. 289—307.

Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. 2018. Jg. 34. №. 34. S. 44—56.

On the processes of some grammatical resources specialization in modern German language

**N.S. Babenko (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article examines grammatical phenomena and processes that differ in the modern German language by specific properties in terms of marking some functions of the categorical order — impersonality formed by the *es* element, indirect speech formed by conjunctive I, as well as gender in its specific form. An attempt is made to interpret these heterogeneous phenomena from the standpoint of idioethnicity as demonstration of distinctive (national) features in the grammatical structure of the German language.

Keywords: grammatical structure, impersonality, gender, uniqueness, idioethnicity.

Значимое отсутствие: лакуны в описании языков

(на материале базы данных «Языки мира» ИЯз РАН)

А.К. Зотова, Д.И. Коломацкий, О.И. Романова

(Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются случаи отсутствия информации о языках на материале последней версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН. Анализируются причины и типы лакун, их связь с особенностями терминологических традиций и эквивалентами других терминосистем на основе в первую очередь энциклопедического издания «Языки мира» ИЯз РАН. Материал может быть интересен специалистам в области прикладной лингвистики, лингвистической типологии и баз данных.

Ключевые слова

Лингвистическая типология, лингвистическая терминология, базы данных, языки мира.

База данных «Языки мира» Института языкознания РАН была задумана и создаётся в качестве специализированного информационного ресурса, содержащего лингвотипологическую информацию об отдельных языках, группах и семьях языков в виде унифицированных формализованных описаний (рефератов) и дополнительных возможностей, предусмотренных пользовательским интерфейсом. За годы своего существования БД претерпела несколько этапов усовершенствования, последние из которых связаны с адаптацией к возможностям Интернета. Статья содержит материал, иллюстрирующий направление работы по теме «Совершенствование лингвистического и программного обеспечения Базы данных «Языки мира» и ее расширение: создание современного лингвистического ресурса для исследований по типологии и прикладной лингвистике». Одновременно она является продолжением проводившихся в предыдущие годы исследований (на материале имеющихся в

БД германских, романских, славянских и других языков), целью которых было изучение возможности использования БД для проведения качественных дескриптивных, контрастивных и сравнительно-исторических исследований языковых явлений в семьях и группах языков.

Актуальная четвёртая версия Базы данных «Языки мира» была написана на языке программирования *Java* (разработчик — м.н.с. сектора прикладного языкознания ИЯз РАН Е.А.Макарова) и опубликована на сайте Института языкознания РАН в 2020 г. Для использования базы данных её требуется скачать и установить.

В 2020 г. в Секторе прикладного языкознания Института начата разработка веб-интерфейса базы данных. Новый вариант интерфейса сам по себе не может считаться отдельной версией базы данных, поскольку изначально онлайн-версия запрограммирована так, чтобы использовать те же файлы исходных данных, что и десктопная версия. Вместе с тем переход к онлайн-формату позволил реализовать опции, которые были недоступны в десктопном варианте.

Так, непосредственно из веб-интерфейса пользователь получит возможность открывать тома энциклопедии «Языки мира», чтобы ознакомиться с развёрнутым описанием языка (и при желании сравнить его с формализованным вариантом, которым является реферат) или просмотреть языковые примеры.

Кроме того, список языков, указатели и мастер запросов будут снабжены интерактивной картой, на которой в виде маркеров будут отображаться найденные языки. По мере перемещения или изменения масштаба карты будет корректироваться список языков, которым соответствуют отображенные на выбранной области маркеры.

Другие, менее заметные изменения интерфейса помогут пользователю работать с базой данных быстрее и удобнее, без лишних манипуляций с признаками или языковыми семьями.

Что касается наполнения базы данных формализованными описаниями языков (рефератами), основным требованием к онлайн-версии было обеспечить возможность лёгкого

добавления новых признаков, значений признаков и языков. В третьей версии от 2013 г. такой возможности не было, в десктопном варианте четвёртой версии этот процесс затруднён необходимостью производить сложные технические манипуляции при изменении общего набора признаков или допустимых значений какого-либо признака. В коде онлайн-версии эти процессы максимально упрощены, в частности, добавление нового значения признака в общий перечень не приводит к необходимости править описания языков, для которых это новое значение признака проставлять не требуется. В процессе конвертации текстовых анкет (рефератов) в более современный и универсальный формат *CSV*, широко используемый для представления табличных данных¹, был выявлен ряд методологических вопросов, требующих изучения и обсуждения. Среди них одним из ключевых стал вопрос о лакунах в описаниях языков.

В анкетах языков можно обнаружить несколько типов лакун и формы их обозначения. Причины возникновения таких лакун разнообразны и требуют тщательного анализа при выявлении.

В первую очередь, лакуны естественным образом возникают в тех случаях, когда отсутствуют объективные данные о тех или иных фрагментах структуры языка. Это касается вымерших, малоизученных или бесписьменных языков. Для описания таких языков ещё на этапе планирования энциклопедии «Языки мира» были предусмотрены четыре типовые схемы от более подробных о семье языков, группе языков или группе диалектов (тип I), статье о языке (тип II) до самых кратких для описания диалектов (тип III) и отдельных недостаточно изученных языков (тип IV). При этом объём статей не всегда однозначно коррелирует со статусом (живой или вымерший) или степенью изученности языка (малоизученный язык, бесписьменный диалект).

В целом ряде разделов анкеты БД отсутствие явления предусмотрено в списке значений в составе признаков:

¹ Анкета является, по сути, таблицей, где каждой строке соответствует один признак, название которого указано в левом столбце, а в остальные столбцы вписываются значение и комментарий.

— А-5. Противопоставление гласных по лабиализации → Противопоставление гласных по лабиализации *отсутствует*

— А-6. Противопоставление гласных по назализации → Противопоставление гласных по назализации *отсутствует*

— А-7. Противопоставление гласных по фарингализации → Противопоставление гласных по фарингализации *отсутствует*

— А-8. Противопоставление гласных по продвинутой корня языка → Противопоставление гласных по продвинутой корня языка *отсутствует*.

В других позициях для констатации отсутствия некоторого явления в языке используются иные синтаксические конструкции. Так, в списке значений можно найти:

— Е-3. Признаки агглютинативного строя → *Отсутствие* полисемантизма аффиксов

— F-1. Количество согласовательных классов → Согласовательные классы *отсутствуют*

— F-6. Согласование числительных в роде → *Отсутствует*

— G-3. Гонорифические формы числа → *Отсутствуют*

— G-7. Неопределенный артикль и числительное «один» → Неопределенный артикль *отсутствует*

— I-1. Способ выражения залоговых форм в глаголе → Категория залога *отсутствует*

— К-2. Типы артиклей → Артикли *отсутствуют*.

Подобные перечисленным выше явные способы указания на отсутствие явления или значения признака в языках также относятся к категории лакун по объективным причинам.

Иначе складывается ситуация при пропуске, т.е. не-заполнении позиций, нерелевантных для отдельного языка, семьи или группы языков. В качестве примера рассмотрим

признак «А-8. Противопоставление гласных по продвинутости корня языка». Этот параметр, относящийся к акустической фонетике, не используется авторами статей при описании, например, индоевропейских языков, поэтому во многих анкетах эта позиция игнорировалась.

На данном этапе работа по редактированию БД предполагает использование некоторых принципов, направленных на унификацию анкет. В частности, если первый признак в разделе опускается как неприменимый к данному языку, то остальные признаки автоматически становятся нерелевантными и тоже опускаются. При описании нетоновых языков признак «В-6. Количество уровней тонов» может быть незаполненным. Но из этого не следует, что дальнейшие признаки «В-7. Контурные признаки тона (восходящий, нисходящий и др.)» и «В-8. Носитель тона (слог, слово)» несущественны. Тоновые характеристики традиционно используются авторами статей при описании языков разных систем и во избежание лакун эта информация должна фиксироваться в анкетах БД. Сведения о количестве тонов традиционно относятся к описанию тоновых языков (языков Юго-Восточной Азии: некоторых сино-тибетских, мяо-яо, тайско-кадайских; языков Африки: афразийских, нило-сахарских, койсанских, нигеро-конголезских; североамериканских атабаскских языков и др.). В этих языках число тонов составляет их характеристические особенности. Производными от него становятся словоизменительные и словообразовательные функции тонов, маркирующие число или род существительных, время или отрицательную форму глагола и др. При этом во многих тоновых языках связь тонов и ударения не прослеживается, поскольку тон не всегда связан с просодикой и является элементом слога.

Подтипом тоновых языков являются языки с музыкальным ударением, к которым относятся в том числе некоторые германские (шведский, норвежский) [Языки мира 2000а, 300—328; там же, 349—380], романские (португальский) [Языки мира 2001, 462—492] и славянские (сербохорватский) [Языки мира 2017, 151—212] языки. В этих языках количественные параметры (число тонов) менее важны, чем качественные — такие как контурные

признаки и единицы-носители тона. Кроме слога (долгого или краткого) или слова носителями тона могут быть более крупные синтаксические единицы, в которых элементы фразовой мелодики и интонационные контуры выполняют семиотические функции, например, маркируют типы вопросительных предложений в английском [Языки мира 2000а, 52—53], французском [Языки мира 2001, 208] или итальянском языках [Там же, 65].

Есть случаи, когда в описании языка в целом отсутствует то или иное явление, например, гармония гласных. Это отсутствие не фиксируется выбором значений в соответствующих позициях «В-10. Область гармонического уподобления гласных» или «В-11. Признак гармонического уподобления гласных». Явление сингармонизма, или точнее, прогрессивного сингармонизма, ассоциируется в основном с агглютинативными языками (в частности, алтайскими и уральскими). В то же время метафония в виде разновидности сингармонизма — регрессивного сингармонизма — свойственна также таким флективным романским языкам, как румынский, сардинский и, в более ограниченном масштабе, португальский. Компенсировать эту лакуну можно добавлением нового значения в признак «В-12. Уподобляющий элемент при гармоническом уподоблении гласных», добавив значение «гласный флексии» к имеющемуся там фиксированному списку «первый гласный слова», «первый гласный аффикса», «первый гласный корня», «последний гласный основы» и др.

Для размещения специфической для конкретного языка информации, которую не отражают типизированные значения в признаках анкеты, предусмотрена строка *Commentary*. Покажем, как эта строка заполняется, на следующих примерах.

Неполнота сведений о том или ином явлении не всегда обозначается авторами статей энциклопедии «Языки мира» как полное отсутствие данных. В частности, в описании готского языка отмечается, что «категория определённости/неопределённости имени не имела регулярного способа выражения» [Языки мира 2000а, 113]. В списке значений в составе признака анкеты «J-5. Морфологическое выражение определённости/неопределённости имени» есть вариант «отсутствует». Однако эти выражения не являются однозначно

эквивалентными и не таящими в себе лакун. Поэтому мы считаем более корректным дополнить предлагаемый анкетой выбор, включив формулировку автора статьи в строку *Commentary*. В позиции анкеты «J-6. Части речи, выражающие определённую/неопределённую имени» из предлагаемого списка значений выбрано «артиккли». Компромиссом между точным определением частей речи, которые выполняли эту функцию, представляется строка *Commentary*, содержащая уточняющую информацию: «Артиклеобразное местоимение ‘этот’ употреблялось факультативно» [Языки мира 2000а, 113]. Такое внимание к тексту автора совершенно оправдано, поскольку речь идет о вымершем языке, относительно которого важна любая сохранившаяся деталь, и о знании об этом языке на момент написания статьи.

Близкое к этому решение было принято при описании ударения в старославянском (церковнославянском) языке. В позиции «B-1. Тип ударения» теоретически возможен выбор: «Ударение отсутствует». Тем не менее, учитывая фрагментарность и функционально-стилистическую специфику сохранившегося материала, более адекватным представляется сохранение формулировки автора статьи в строке *Commentary*: «Точных сведений об ударении в С.я. нет» [Языки мира 2017, 52].

Еще несколько примеров из описаний вымерших языков, где сохранение текстовых фрагментов статей энциклопедии позволяет избежать категоричности однозначных значений признаков и предупредить появление лакун:

— в древнеперсидском языке, признак «A-6. Противопоставление гласных по назализации», выбор: «Противопоставление гласных по назализации отсутствует» уточняется в *Commentary*: «Предположительно наличие живой или исторической назализации гласных» [Языки мира 1997, 39];

— в среднеперсидском языке, признак «B-2. Вид ударения» при имеющихся значениях «динамическое», «количественное», «музыкальное» или «смешанное», в строке *Commentary* уточняется: «Предполагается силовое ударение» [Языки мира 1997, 59];

— в языке велатру (северо-западные иранские языки) в признаке «I-1. Способ выражения залоговых форм в глаголе» выбор из имеющихся значений «категория залога отсутствует» корректируется в строке *Commentary*: «Пассивный залог в текстах не зафиксирован» [Языки мира 1999, 142].

По мере накопления и редактирования массива данных стала очевидна необходимость там, где возможно унифицировать формулировки, используемые при составлении анкет БД, в том числе формулировки об отсутствии данных в разных позициях. Так появилось несколько типизированных вариантов строки *Commentary*, не воспроизводящих формулировки авторов статей энциклопедии, но и не искажающих реальное положение вещей.

Формулировка «данных нет» используется в случаях, когда в описании вымерших и/или малоизученных языков автор не приводит соответствующей информации:

— В-1. Тип ударения *Commentary*: Данные нет (Авесты язык)

— F-5. Атрибутивное согласование по роду *Commentary*: Данные нет (парфянский язык)

— I-1. Способ выражения залоговых форм в глаголе *Commentary*: Данные нет (корнский язык)

— N-1. Линейный порядок компонентов в сложном предложении *Commentary*: Данные нет (древнерусский язык).

Есть варианты авторских формулировок об отсутствии данных, которые также помещаются в строку *Commentary*. Например, о наличии фонологических противопоставлениях единиц и категорий «D-4. Различия между знаменательными и служебными словами» *Commentary*: Систематизированных данных нет (каталанский язык) [Языки мира 2001, 501] или о характерных типах сложного предложения «N-1. Линейный порядок компонентов в сложном предложении» *Commentary*: Надежных данных о структуре сложного предложения нет (лепонтский язык) [Языки мира 2000а, 457].

Формулировка «Других данных нет» используется в случаях, когда составители и редакторы анкет констатируют наличие некоторых данных и фиксируют их в определённых позициях БД с помощью имеющихся в списке значений признака, но считают необходимым отметить, что эти данные не представлены явным и непротиворечивым образом при описании языка в энциклопедии. Информация извлечена из примеров или почерпнута из обзорной статьи к соответствующему тому. Например:

— в списке значений признака «G-3. Гонорифические формы числа», выбираем «отсутствуют» и уточняем в строке *Commentary*: Других данных нет (церковнославянский язык);

— в позиции «H-2. Маркирование субъекта и объекта» добавляем значение «падежные аффиксы, глагольное согласование и порядок слов» и уточняем в *Commentary*: Других данных нет (шотландский язык);

— в позиции «K-1. Склонение личных местоимений» добавляем значение «Шести-членная падежная парадигма» в сочетании с *Commentary*: Других данных нет (кельтиберский язык);

— в списке значений признака «N-5. Тип связи между элементами сложного предложения» есть варианты «преобладает союзная», «преобладает бессоюзная» и «союзная и бессоюзная». Поскольку в источнике можно зафиксировать только примеры союзной связи, добавляем значение «союзная» и уточняем в *Commentary*: Других данных нет (древненовгородский язык/диалект).

В процессе редактирования анкет неоднократно пересматриваются и уточняются формулировки, маркирующие отсутствие языковых явлений. Так формулировка «категория отсутствует», предусмотренная в списке признаков в других случаях, не была представлена в признаке «H-1. Количество падежей». Но поскольку возможны несколько вариантов состава граммем категории падежа, в том числе у местоимения, во избежание лакун было решено добавить информацию в строку *Commentary* в следующем виде: «Категория

падежа у имени существительного отсутствует» (языки африкаанс, гасконский, франко-провансальский, хазара и др.).

Значительное число лакун в описании языков можно объяснить расхождениями в терминологии, используемой авторами статей энциклопедии, и той, которая применяется в анкетах БД. На данном этапе можно констатировать, что терминологические источники лакун, неточностей и ошибок связаны с адаптацией схем описания языков в энциклопедии к требованиям унифицированного формата БД. Поскольку анкета представляет собой сочетание классифицирующих (названия признаков) и терминологических (значения признаков) элементов, на этапе соотнесения устоявшихся терминов авторов статей и формулировок БД обнаруживается, что некоторые из них не всегда однозначно понимаются специалистами разных школ и/или не воспринимаются как эквиваленты в тех или иных разделах анкеты. Например, в позиции «В-2. Вид ударения» для португальского языка указано значение «динамическое с элементами количественного, качественного и тонического», при том что в наборе предлагаемых для выбора значений есть опция «смешанное», которая, однако, не позволяет адекватно описать природу ударения в португальском языке [Языки мира 2001, 467].

В признаке «L-1. Способы словообразования» лакуны может вызвать нетипизированное представление модели глагольного словообразования вида $V + Adv$ (фразовые глаголы), характерной для ряда германских (английский, африкаанс) и романских (ладинский) языков. Терминологические обозначения этой модели в статьях энциклопедии могут быть самыми разными.

В признаке «J-8. Способы выражения отрицания» используются термины «отрицательные частицы» и «отрицательные аффиксы». При этом в статьях энциклопедии частями могут называться и аффиксы («префиксальные частицы» — нидерландский, исландский), и собственно частицы, которые не входят в состав словоформы (словенский, македонский).

Начиная с первых версий, БД «Языки мира» разрабатывалась на основе оригинальных статей, написанных авторами для энциклопедии «Языки мира». В совокупности оба источника представляют собой результаты исследований нескольких поколений специалистов Института языкознания РАН. Помимо ценности содержащейся в них фактической информации, эти исследования иллюстрируют широкую палитру школ, направлений и традиций описания языков — славистики, иранистики, германистики, романистики и др., что представляет значительный самостоятельный, в том числе и исторический, интерес.

В качестве примера можно привести традицию использования термина «непредметное местоимение» в описании дейктических средств в романских языках для обозначения неодушевленного местоимения среднего рода. Местоимение среднего рода в дейктической функции употребляется также в германских языках, но в германистике этот термин не является частью традиции описания дейксиса, а правила употребления этого местоимения описываются в разделе синтаксиса. В результате возникает лакуна в описании способов выражения дейктических категорий (признак J-2 анкеты БД), например, в английском языке.

Уточнение значений признаков происходит по мере накопления материала, т.е. количества рефератов. Принимается во внимание частотность формулировок и терминов. Предполагается, что в итоге будет возможна количественная и качественная коррекция терминологии в составе анкет, в частности, замена некорректных формулировок на более систематизированные и соотносящиеся с терминологией статей энциклопедии.

Приведём примеры формулировок, требующих коррекции во избежание лакун. Для признака «I-1. Способ выражения залоговых форм в глаголе» в списке значений используются термины «вспомогательный глагол», «аффиксы» и «служебные слова». Во многих индоевропейских языках вспомогательный глагол участвует в выражении залоговых значений в составе конструкции «вспомогательный глагол + причастие» либо залоговые значения выражает та или иная форма причастия. Термин «служебные слова» в этом списке оказывается слишком общим и не позволяет назвать части речи и разряды служебных слов:

возвратное местоимение (польский), возвратное местоимение-частица (старославянский и церковнославянский язык, древнерусский язык), возвратный постфикс (русский язык), лично-возвратное местоимение (сербохорватский язык), возвратные частицы (белорусский язык). Если употреблять конкретные термины для наименования разрядов этих слов, то одновременно появляется возможность отразить грамматическую информацию и о способах их употребления (пре- или постпозиция, неизменяемость или изменяемость по лицу и числу).

Похожую ситуацию можно проиллюстрировать с помощью списка значений в признаке анкеты «Н-6. Способ выражения пространственных отношений». Список содержит множество терминов и их комбинаций, в том числе таких, где одновременно фигурируют термины-гиперонимы и термины-гипонимы, например, «именные аффиксы» и «наречия места». С одной стороны, учитывая общий контекст анкеты, к числу именных аффиксов могут относиться падежные флексии, в том числе в именных конструкциях с предлогами. С другой стороны, термин «аффиксы» выступает в качестве гиперонима по отношению к терминам в признаке «L-2. Аффиксы, участвующие в словообразовании», который включает в себя префиксы, суффиксы, инфиксы, постфиксы, конфиксы, трансфиксы, супрафиксы или циркумфиксы. Некоторые из этих аффиксов могут быть словоизменительными и использоваться в составе предложных конструкций, в том числе и для выражения пространственных отношений. Второй элемент пары — наречия места, так же, как и местоименные наречия, можно рассматривать в качестве гипонимов по отношению к наречиям в целом. В этом же списке значений используется термин «местоимения», к которым при выражении пространственных отношений чаще всего относятся указательные местоимения. Таким образом, во многих анкетах в этом признаке наиболее частотными становятся комбинации терминов одного уровня: «местоимения, наречия и предлоги» (чешский язык, итальянский язык, меглено-румынский, фарерский, французский язык, фриульский язык), а также «указательные местоимения, наречия и предлоги» (истро-романский/ истриотский язык, окситанский язык), которые требуется включить в список значений.

В признаке «I-8. Синкретическое выражение нескольких глагольных значений» наблюдаются частотные комбинации значений признаков, которые во избежание лакун должны быть включены в список значений, например, «время, вид и модальность (наклонение)» (германские языки), «лицо, число, время, вид и модальность (наклонение)» (романские языки) и «лицо, число, род, время, вид и модальность (наклонение)» (многие славянские языки).

К особому типу лакун относятся количественные данные, которые нельзя интерпретировать в существующем формате признаков анкеты. Этот тип лакун связан с особенностями описания в энциклопедии ряда малоизученных или бесписьменных языков и языков с пограничным статусом (язык/диалект), когда авторы статей при описании фонетических систем ограничиваются лишь списками фонем, не сопровождая их таблицами или терминологической интерпретацией. Значительное количество таких примеров обнаруживается в описании иранских языков. Например, в признаке «A-1. Количество степеней подъема» нет возможности выбрать ни одного из предлагаемых значений, поскольку в описаниях указывается только количество гласных фонем и их вариантов, которые терминологически не интерпретируются (фаризанди [Языки мира 1999], сурхеи язык/диалект [Языки мира 1999, 154], осетинский язык [Языки мира 2000б, 313]). То же самое распространяется и на классификацию согласных в признаке «A-13. Инвентарь шумных согласных по месту образования», где для многих языков списки фонем терминологически не интерпретируются — например, велатру язык/диалект [Языки мира 1999, 141].

Вопрос о лакунах в рефератах не был должным образом разрешён в третьей версии и десктопном варианте четвёртой версии, поскольку кодирование отсутствия значения было недостаточно последовательным и/или не предполагало достаточной дифференциации типов лакун.

В третьей версии для языков, «типологическое пространство которых описано очень слабо... отсутствующие ветви дерева бинарной части реферата помечаются знаком ".O" (ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ)» [Поляков и др. 2019, 77–78]. Можно заключить,

что такая маркировка используется для случаев, когда в энциклопедической статье содержится информация об отсутствии релевантных данных, что сравнительно часто встречается в энциклопедических описаниях мёртвых языков. Вместе с тем, «в некоторых слабоописанных языках [статус признака] ЛОЖЬ (FALSE) означает “НЕИЗВЕСТНО” <...> [Н]екотрые признаки со статусом ЛОЖЬ (FALSE) в описании такого языка можно интерпретировать как НЕИЗВЕСТНО» [Там же, 78, 81]. Таким образом, в ряде случаев отсутствие данных о значении признака в третьей версии выражено имплицитно; более того, из этого описания трудно понять, идёт ли речь об отсутствии данных в энциклопедической статье или о наличии в статье явного указания на отсутствие данных.

В десктопном варианте четвёртой версии анкета заполняющего представляет каждый признак в виде блока строк. Если для данного языка возможен выбор значения из фиксированного списка, напротив соответствующего значения ставится «1», остальные значения помечаются флагом «0». Если ни одно из фиксированных значений не подходит, у всех таких значений ставится «0», а в поле *Other* вписывается текстовое значение. Кроме того, заполняющий имеет возможность отметить все возможные значения признака знаком «x». Это сигнализирует об отсутствии информации о данном признаке.

При этом у заполняющего нет способа указать тип отсутствующей информации. Теоретически можно было бы разработать конвенцию, согласно которой, например, знак «0» у каждого значения обозначал бы ситуацию «нет данных в статье», а знак «x» — ситуацию «в статье указано, что данных нет». Кроме того, можно пользоваться полем *Commentary* и разработать систему помет. Но ни одно из этих решений не является достаточно надёжным, т.к. вместо предоставления пользователю ясного выбора опций требует соблюдения договорённостей всеми участниками проекта.

В качестве решения этой проблемы в обновлённый вариант анкеты заполняющего решено ввести дополнительный параметр, который можно назвать «типом значения» или «статусом признака». Он может принимать пять значений (в скобках указываются условные кодовые наименования для последующей программной обработки):

1. Значение признака доступно в заранее утверждённом списке допустимых значений (*'listed'*);
2. Значение признака можно указать, но оно отсутствует в фиксированном списке (*'custom'*);
3. Для этого языка не может быть выбрано ни одно значение признака, т.к. этому противоречит выбранное ранее значение другого признака (*'not_applicable'*);
4. В энциклопедической статье нет информации о значении признака (*'not_stated'*);
5. В энциклопедической статье явно указано, что данных об этом признаке нет (*'explicit_gap'*).

Таким образом, если представлять данные о языке в табличной форме, то значение признака будет выражаться двумя столбцами — типом значения и (если тип это позволяет) текстовым значением.

Эта кажущаяся сложность заполнения анкеты компенсируется средствами проверки на этапе заполнения и этапе обработки. В частности, даже при использовании для анкеты заполняющего таких простых средств, как таблица *Microsoft Excel*, по мере заполнения столбцов таблицы можно подсвечивать возможные ошибки. Кроме того, при программной обработке реферата несложно организовать проверку на наличие ошибок заполнения (например, если тип значения не позволяет вводить текстовое значение, а оно было указано, это может означать, что тип значения был выбран неверно).

Особого внимания требует заполнение признаков, связанных друг с другом имплицитными связями. В тех случаях, когда для описываемого языка не может быть выбрано ни одно из значений, поскольку этому противоречит выбранное ранее значение другого признака, все признаки блока, за исключением первого, маркируются кодовым наименованием *'not_applicable'* (пункт 3 списка выше).

К случаям такого рода относятся следующие блоки признаков, в каждом из которых для первого признака в блоке есть возможность отметить значение «Категория/явление *N* отсутствует»:

— А-9. Наличие дифтонгов и трифтонгов, А-10. Типы дифтонгов.

При выборе в признаке А-9 значения «дифтонги и трифтонги отсутствуют» ни одно из доступных для выбора значений признака А-10 не может быть выбрано;

— В-1. Тип ударения, В-2. Вид ударения, В-3. Носитель ударения, В-4. Фиксированность ударения, В-5. Носитель фиксированного ударения в слове.

Выбор в первом из этих признаков значения «ударение отсутствует» влечет за собой маркирование последующих четырех признаков пометой '*not_applicable*'. При этом возможны ситуации, когда признаки В-1 и В-3 заполнены, но ударение не фиксировано. В этом случае признак В-4 получает значение «Нефиксированное», а следующий признак В-5 маркируется как '*not_applicable*';

— D-7. Функциональный тип чередований, D-8. Вид чередований.

При выборе значения «чередования отсутствуют» в первом признаке для второго справедлива помета '*not_applicable*';

— F-1. Количество согласовательных классов, F-2. Морфологические способы выражения согласовательных классов, F-3. Синтаксические способы выражения согласовательных классов, F-4. Другие способы выражения согласовательных классов; F-5. Атрибутивное согласование по роду.

Блок признаков, представляющих информацию о системе падежей:

— Н-1. Количество падежей, Н-3. Падежное оформление именного сказуемого, Н-4. Падежное оформление посессивного отношения, Н-8. Падежное оформление одушевленных и неодушевленных имен, Н-9. Наличие вторичных падежей также связаны отношениями импликации. В случае отсутствия в языке категории падежа в системе имени существительного это указывается в признаке Н-1. Тогда при заполнении признаков Н-3, Н-4 и Н-8 и Н-9 применима помета '*not_applicable*'.

Аналогичным образом, если в признаке «I-1. Способ выражения залоговых форм в глаголе» отмечено значение «отсутствует», то для следующих признаков: «I-2. Возможность наложения нескольких залоговых форм», «I-3. Двойные залоговые формы» и «I-4. Совпадение залоговых форм» применима кодировка *'not_applicable'*.

Если в признаке «I-5. Основные временные противопоставления» отмечено значение «отсутствует», то для следующих признаков «I-6. Выражение вида и времени» и «I-7. Способ выражения временных противопоставлений» применима кодировка *'not_applicable'*.

И наконец, если в признаке «K-2. Типы артиклей» отмечено значение «артикли отсутствуют», то для следующих признаков: «K-3. Расположение артикля» и «K-4. Постановка артикля в именной группе» и «K-5. Грамматические категории, выражаемые артиклем» применима кодировка *'not_applicable'*.

Введение нового параметра (тип значения или статус признака) позволит добавить в онлайн-версию новые возможности для пользователя базы данных. Отсутствие информации о том или ином признаке, точно так же как и её наличие (или даже в большей степени), может служить отправной точкой для самостоятельных исследований.

Если взглянуть на проблему лакун с точки зрения пользователя базы данных, то приходится констатировать, что на настоящий момент у пользователя нет надёжного способа получить о них систематизированную информацию. В десктопной версии базы данных действительно информативными можно считать только те значения признаков, которые входят в фиксированный перечень: лишь они отображаются в указателе признаков и мастере сложных запросов. В остальных случаях приходится обращаться к описанию конкретного языка. Более того, если информация о признаке отсутствует, в текущем варианте БД данный признак просто не будет отображаться в этом описании. Это означает, что пользователь должен очень хорошо представлять себе перечень всех признаков, чтобы понять, что информация о каком-либо из них отсутствует, и даже в этом случае не будет никакого средства выяснить, к какому типу принадлежит найденная лакуна.

Появление в формализованном представлении языка чётко обозначенных лакун позволит особым образом маркировать их на странице каждого языка. Это само по себе позволит быстро оценить, насколько хорошо конкретный язык описан (в пользовательском интерфейсе можно ввести и маркер полноты заполнения реферата, показывающий, например, процент заполненных признаков от их общего числа), но этим открывающиеся возможности не исчерпываются. Указатель признаков можно будет настроить так, чтобы он показывал перечни языков, для которых по выбранному признаку нет данных, а в общем перечне языков можно будет ввести маркировку полноты описания каждого языка.

Энциклопедия «Языки мира» относится к тем авторитетным изданиям, с которых многие лингвисты начинают изучение выбранной ими проблемы. Формализованное представление энциклопедических данных с быстрым доступом к самим томам энциклопедии, несомненно, облегчит исследователям этот первый шаг. Однако не менее важным для них, как представляется, будет формализованная информация о пробелах в описании. Сравнение числа заполненных признаков с их общим количеством даст более ясное представление о том, на каких языках в зависимости от типа работы следует сосредоточиться исследователю. В этом смысле можно утверждать, что формализованные данные о наличии информации по той или иной области описания языка лишь облегчают учёному работу над материалом, который в остальном он и так смог бы обнаружить в энциклопедии. В частности, помета и комментарий о недостатке данных и неизученности некоторого языкового явления в конкретном языке — основание для выделения следующего этапа исследований.

Указание на отсутствие данных, с другой стороны, предлагает исследователю важнейшую информацию, которую он мог бы не воспринять при простом чтении энциклопедической статьи. Таким образом, описанные нововведения в базе данных «Языки мира» могут превратить недостаток информации в наиболее ценную информацию для лингвиста.

Литература

Поляков В.Н., Соловьев В.Д., Макарова Е.А. База данных «Языки мира»: история и перспективы. Москва; Казань: Институт языкознания РАН, 2019.

Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М.: Индрик, 1997.

Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999.

Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000a.

Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000б.

Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001.

Языки мира: Славянские языки (изд. 2-е, испр. и доп.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.

Meaningful Absence: Lacunae in the «Languages of the World» Database

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

A.K. Zotova, D.I. Kolomatskiy, O.J. Romanova

(Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

The paper outlines lacunae in the latest version of the «Languages of the World» Database (Institute of Linguistics, RAS). Lacunae of various origins and types are analysed along with linguistic terminology representing different descriptive traditions, primarily based on the «Languages of the World» encyclopedia (Institute of Linguistics, RAS). The topic can be of interest for those dealing with applied linguistics, linguistic typology and databases.

Keywords: Linguistic typology, linguistic terminology, databases, languages of the world.

Активаторы, лежащие в основе номинации страха

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Объектом исследования являются активаторы, возбудители страха, т.е. явления, продуцирующие у человека чувство страха, одной из базовых эмоций. В основе страха могут лежать разные причины. В психологии выделяются такие активаторы страха, как стремительное приближение объекта, боль, одиночество, смерть, ограниченные пространства, высота, темнота, неизвестность. Некоторые из перечисленных активаторов, т.е. явлений, которые обычно вызывают страх у человека, послужили основой номинации страха в разных языках. В качестве методики описания выбран аппарат семантических переходов, отражающих изменение значений слов, регулярно воспроизводящихся в разных языках. На материале нескольких языков рассматриваются семантические переходы вида ‘а’ — ‘страх’, где элемент ‘а’ в картине мира конкретного языка выступает активатором этой эмоции.

Ключевые слова

Семантика, семантическая деривация, семантическая типология, языковая картина мира, лингвоспецифичность.

I. Вводные замечания

В основе страха, являющегося одной из базовых эмоций, могут лежать разные причины¹. Страх может быть рациональным или иррациональным; страх может проистекать из ощущения непосредственной опасности или быть основанным на предположениях людей о развитии событий в будущем. Эксперимент, проведенный В.Е. Грековой [Грекова

¹ Изучению эмоций, как одной из важнейших составляющих жизни человека, посвящено много глубоких лингвистических исследований (см., например, [Апресян В. 1997, 2011; Апресян В., Апресян Ю. 1993; Апресян Ю. 2000; Вежбицкая 1996; Зализняк Анна 2006; Иоанесян 2016, 2018; Руссо 2010; Ekman 1992; Mouchiroud 2000; Wierzbicka 1986; 1999 и др.]).

2012], показал, что и в русскоязычной, и в англоязычной аудитории 43 % реакций на стимул «страх» пришлось на слова, обозначающие такие активаторы страха, как смерть, темнота, одиночество, крысы. Дж. Боулби выделяет из «естественных сигналов опасности» четыре фактора: стремительное приближение объекта, боль, одиночество и внезапное изменение стимуляции [Изард 1999]. К. Изард в качестве активаторов страха называет также высоту и необычность [Там же]. Среди возбудителей страха в анкетах при опросах люди также называли змей, пауков, смерть, ограниченные пространства, неизвестность. Принято выделять следующие виды страхов: арахнофобия — частный случай зоофобии, боязнь паукообразных, относится к числу самых распространённых фобий; аутофобия — боязнь одиночества; акрофобия — страх высоты; кинофобия — страх собак; астралофобия — боязнь грозы; никтофобия — страх темноты; агорафобия — боязнь открытых пространств; клаустрофобия — боязнь небольших замкнутых пространств; аэроacroфобия — боязнь высоких открытых мест.

Как показало наше исследование, некоторые из перечисленных активаторов, т.е. явлений, которые обычно вызывают страх у человека (неизвестность, темнота, одиночество, громкие звуки, агрессивные действия других людей и др.), послужили основой номинации страха в разных языках.

II. Основные положения

Мы представим семантические переходы вида 'а' — 'страх', где элемент 'а' в картине мира конкретного языка выступает активатором страха.

1. 'Одиночество' ↔ 'страх'

Как отмечают психологи, одиночество является одним из естественных активаторов страха: одиночество — один из сигналов возросшей опасности и потому провоцирует страх. Это находит отражение в полисемии 'одиночество' — 'страх', или в семантическом развитии слова. Приведем несколько примеров: (а) Французское существительное *souleur* выступает в значении сильный страх: «Frayeur subite, saisissement, serrement de cœur» [AD 1935], 'Внезапный страх, испуг, замирание сердца'. Слово произошло от прилагательного

seul, которое образовано от лат. *solus*: — ‘одинокий’, а одиночество ассоциируется с беспомощностью: «Dérivé du lat. *solus, seul*. Le sens propre est solitude; d’où crainte» [EL]. ‘от лат. *solus* — одинокий. Прямой смысл — одиночество; отсюда страх’. См. латинское существительное *solitudo, inis f*: «[*solus*] 1) уединение, пустынность, безлюдье <...> 2) одиночество, беспомощность, беззащитность (*liberorum, viduarum C*)» [ЛРС, 938]; «1454: 1. solitude; 2. solitude de qn, état d’abandon, vie isolée sans protection» [DLF], ‘одиночество; состояние заброшенности, покинутости, беззащитности’; «1. le fait d’être seul, solitude; 2. isolement, abandon, manque d’aide» [OLD], ‘1. Одиночество; 2. Изолированность, покинутость, отсутствие помощи’.

Необходимо отметить, что как указано в Русском ассоциативном словаре [РАС 3, 115]², в перечне реакций на стимул «одиночество» называются следующие реакции: страшно, страх, ужас, ужасно.

2. ‘Неожиданность’ → ‘страх’

Как считает Изард [Изард 1999], естественным сигналом опасности является также необычность — отличие стимула от привычных стимулов способно вызвать эмоцию страха, при этом степень расхождения этого стимула с привычными стимулами определяет тип и силу этой эмоции. Неожиданные события могут выводить людей из спокойного состояния в силу того, что для них появляется опасность не суметь подготовиться к нему. Неожиданные события представляют собой неконтролируемые человеком ситуации, а неконтрольные события, неконтролируемость является одним из компонентов прототипической ситуации страха (см. [Иоанесян 2016; 2018; 2020]). В Русском ассоциативном словаре [РАС 3; РАС 4] среди реакций на стимул «неожиданность» перечисляются испуг, неприятная ситуация, неприятность, опасность, смятение [РАС 3, 106]. Среди стимулов, вызывающих реакцию «неожиданность», «неожиданно», «неожиданные», «неожиданный», фигурируют пугать, опасность, тревоги, ужас [РАС 4, 169].

² Книга 3: От стимула к реакции. Книга 4: От реакции к стимулу [РАС 3; РАС 4]. Русский ассоциативный словарь «моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка» [РАС 3, 5].

Примером семантического перехода ‘неожиданность’ — ‘страх’ является испанский глагол *sobrecoger*, который выступает в следующих значениях: ‘застать, застигнуть врасплох’ и ‘сильно испугать; перепугать’ [ИСРС, 707]. Pere Parells y su esposa, **sobrecogidos** y acurrucados contra la tapia, vieron pasar ante sus ojos un regimiento de coraceros y varias carrozas (Eduardo Mendoza. La verdad sobre el caso Savolta (1975)). *Застигнутые врасплох и прижатые к ограде, Пере Парельс и его супруга увидели перед собой отряд кирасиров и несколько карет.* Здесь *sobrecogerse* (прономинальная форма глагола) имеет значение ‘удивиться, испугаться’; «1. tr. Causar impresión o susto a alguien. 2. tr. p. us. Coger de repente y desprevenido a alguien. <...> 3. prnl. Sorprenderse, intimidarse» [DRAE]. Приведем примеры на значение ‘вызывать сильный страх’ из корпусов: (1): «*Este será el caso cuando se informe a las tropas de que la intención de su emplazamiento en cualquier ciudad es **sobrecoger** a los habitantes. Ce sera le cas lorsque les troupes seront informées que leur présence dans n'importe quelle ville a pour but de **terroriser** les habitants*» [https://context.reverso.net/traduction/espagnol-francais]; ≈ ‘То же самое будет происходить, когда войска будут проинформированы о том, что их присутствие в любом городе нацелено на устрашение жителей’. (2) *La gente **estaba sobrecogida** y confusa por lo que podía pasar* (Mario Vargas Llosa. La Fiesta del Chivo (2000)). *Люди **испытывали страх** и замешательство: что-то будет?* [НКРЯ]. (3) *Y los quince hombres dispararon sus rifles y los bañistas **se sobrecogieron** de pánico.* (Ciro Alegría. El mundo es ancho y ajeno (1941)). *Пятнадцать человек дважды выстрелили в воздух, купальщики **страшно испугались*** [НКРЯ].

3. ‘Агрессивные действия’ → ‘страх’

Агрессивные действия, такие, как избиения, нападения, преследования, порка, насильственное лишение чего-л. и т.п., направленные против человека, представляют для него опасность, в силу этого могут вызвать у него страх, волнение, тревогу. Это лежит в основе семантической деривации вида ‘атаковать’ / ‘нападать’ → ‘страх’, ‘бить’ / ‘пороть’ / ‘стегать’ → ‘страх’, ‘преследовать’ → ‘страх’, ‘отнимать’ / ‘лишать’ → ‘страх’ и т.п.

Связь между агрессией и страхом подтверждается данными Русского ассоциативного словаря. Среди реакций на стимул «бить» фигурирует ужас [РАС 3, 22—23]; на стимул «насилие» — ужас, страх. Среди стимулов, вызывающих реакцию страха, фигурирует убийство (убить и убийца) [там же, 182].

Приведем примеры указанных семантических переходов:

(а) Первое значение испанского глагола *avispar* — ‘погонять (животных)’: «*Avivar o picar con látigo u otro instrumento a las caballerías*» [DRAE], ‘торопить, подгонять хлыстом, бичом или чем-то другим верховых (вьючных) животных’. В Чили он выступает также в значении ‘пугать’ [БИРСЛА]. В прономинальной форме глагол имеет значение ‘встревожиться’: «*prnl. Inquietarse, desasosegarse*» [DRAE].

(б) Испанский глагол *abacorar* в Центральной Америке имеет значение ‘преследовать’ [ИСРС, 13]. В испанском академическом словаре отмечено также значение ‘стегать, хлестать (лошадь)’: «*Hostigar, acosar*» [DRAE]. Отглагольное прилагательное *abacorado* в Венесуэле и Перу выступает в двух значениях — ‘гонимый, преследуемый’ и ‘запуганный’ [БИРСЛА].

(в) Существительное *julepe* в испанском языке означает ‘битье, порка, взбучка, побои’: «*m. coloq. Golpe, tunda, paliza*» [DRAE]. В странах Латинской Америки (Аргентине, Боливии, Чили, Эквадоре, Парагвае, Перу, Уругвае и Венесуэле у существительного отмечено значение ‘страх’: «*5. m. coloq. Golpe, tunda, paliza. 6. m. coloq. Reprimenda, castigo. 7. m. coloq. Susto, miedo. U. m. en Arg., Bol., Chile, Ec., Par., Perú, Ur. Y Ven.*» [DRAE], ‘5. Разг. битье, порка, взбучка, побои; 6. Разг. Упрек, наказание. 7. Разг. Испуг, страх’. Глагол *julepear* — ‘колотить, лупить’ [ИСРС, 452] в Аргентине, Боливии, Парагвае и Уругвае выступает также в значении ‘пугать’, в прономинальной форме — ‘пугаться’: «*tr. Arg., Bol., Par. y Ur. asustar (dar susto). U. t. c. prnl.*» [DRAE].

(г) Португальский глагол *sobressaltar* имеет значения ‘внезапно нападать’ и ‘пугать’; *sobressaltarse* — ‘испугаться’: «*Assaltar; surpreender; assustar*» [PRB], ‘нападать; за-

стать, захватить врасплох; испугать»; «Assustar-se; estremecer de susto» [там же], ‘испугаться, дрожать от страха’. Существительное *sobressalto* тоже полисемично: «1. Assalto repentino, acometimento imprevisto. 2. [Figurado] Sustos, pavor» [там же], ‘неожиданное, внезапное нападение, атака. 2. Страх, испуг’.

Аналогичная полисемия имеет место и у испанского глагола *sobresaltar*: «1. Acometer de repente. 2. Asustar» [DRAE], ‘Внезапно напасть. 2. Испугать’.

(д) Испанский глагол *arrebatar* имеет значение: ‘вырывать, отнимать силой; похищать’ [ИСРС, 91]: «Quitar (una persona) [una cosa] a [otra persona] con violencia: Me arrebató el libro de las manos» [GCD], ‘с силой вырывать что-л. из чьих-л. рук. Он вырвал у меня из рук книгу’. В Боливии этот глагол используется в значении ‘сильно испугать’, в прономинальной форме — в значении ‘сильно испугаться’ [БИРСЛА]; «1. tr. Vo. Asustar alguien o algo a una persona. 2. intr. prnl. Vo. Asustarse alguien» [GCD].

(е) Испанский глагол *desaforar* выступает в значении ‘лишать кого-л. привилегий/прав’ [ИСРС, 273], «Privar a alguien del fuero o exención que goza» [DRAE], ‘лишать кого-л. прав, привилегий, льгот за правонарушения’. Отглагольное прилагательное — *desaforado* в Мексике имеет значение ‘охваченный ужасом, напуганный до смерти’ [БИРСЛА].

(ж) Французский глагол *fouailler* имеет значения: 1. ‘хлестать, стегать кнутом’ [ГТ], «Frapper à coups de fouet énergiques et répétés» [TR], ‘энергично хлестать кнутом’. 2. Перен. ‘распекать кого-л., нападать на кого-л.’: «Attaquer violemment <...> Il fouaillait de reproches trois ou quatre individus qui baissaient la tête (VALLÈS, J. Vingtras, Insurgé, 1885, p. 44).» [там же], ‘яростно нападать на кого-л. Он осыпал упреками трех или четырех человек, которые стояли, опустив головы’. В разговорной речи, арго, этот глагол (выступающий уже как переходный) используется в значении ‘бояться’: «Vintr. Craindre, avoir peur» [AD, 1491], ‘бояться, испытывать страх’.

Интересно, что агрессия, агрессор, в свою очередь, может ассоциироваться со смелостью, с отвагой — смелость, отвага в картине мира языка иногда ассоциируются с агрессивными действиями, с насилием. Это отражено в полисемии или семантической деривации вида ‘атаковать’ / ‘нападать’ → ‘страх’, ‘бить’ / ‘пороть’ / ‘стегать’ / ‘преследовать’ / ‘отнимать’ / ‘лишать’ → ‘смелость’ и т.п. Например:

(а) Португальский глагол *arrojar-se* сочетает значения ‘бросаться на кого-н.’ и ‘осмеливаться, отваживаться’. Существительное *arrojo* имеет значение ‘неустранимость; отвага; удалство’: «Atrevimento, ousadia; coragem» [PRB], ‘смелость, бесстрашие отвага’. Прилагательные *arrojado* и *arrojado* — значение ‘отважный, смелый’. Пронаминальный глагол *arrojar-se*: «3. Atrever-se. 4. Arriscar-se. 6. Lançar-se» [Там же], ‘3. отваживаться, осмеливаться. 4. Рисковать. 6. Бросаться, кидаться’. *Arrojado*: «(particípio de *arrojar*) Que demonstra arrojo, coragem» [там же], ‘(причастие от *arrojar*) тот, кто проявляет смелость отвагу’.

Испанский глагол *arrojarse* имеет значение ‘бросаться, кидаться на кого-н.’: *Se arrojó a Pedro para matarle* [DRAE], ‘Он бросился на Педро, чтобы убить его’. Пример из корпуса [НКРЯ]: *Dos veces que Gallardo rodó en la arena, viéndose próximo a ser enganchado, el Nacional se arrojó sobre la bestia, olvidándose de los niños, de la mujer, de la tabernilla, de todo, queriendo morir para salvar al maestro* (Vicente Blasco Ibáñez. *Sangre y arena* (1908)). ‘Дважды случалось матадору упасть на арене перед самыми рогами, и всякий раз Насиопаль **бросался на быка**, позабыв о детях, о жене, о харчевне, обо всем на свете, готовый умереть, но спасти маэстро’. Существительное *arrojo* имеет значение ‘неустранимость, отвага, бесстрашие’ [ИСПС, 93]; «Osadía, intrepidez» [DRAE], ‘неустранимость, бесстрашие, смелость, отвага’. *Él gozó con cada ejercicio de agilidad, arrojo, audacia o resistencia* (Mario Vargas Llosa. *La Fiesta del Chivo* (2000)). А он с удовольствием выполнял любое задание на ловкость, отвагу, смелость или выносливость [НКРЯ]. Отглагольное прилагательное *arrojado* имеет значение ‘отважный, смелый’ «Resuelto, osado, intrépido» [DRAE], ‘решительный, смелый, отважный, неустранимый, бесстрашный’.

(б) Испанский глагол *aventarse* в Латинской Америке имеет значение ‘набрасываться на кого-л.’, а в Мексике у него отмечается также значение ‘отваживаться’ [БИРСЛА].

(в) Испанский глагол *arrogarse* имеет значение ‘приписывать (присваивать) себе (права, полномочия и т.п.)’ [ИСРС, 93]; «*prnl. Apropiarse indebida o exageradamente de cosas inmateriales, como facultades, derechos u honores*» [DRAE], ‘присваивать себе неправомерно полномочия, права, почести’. Прилагательное *arrojado*. — ‘отважный, решительный’ [ИСРС, 93]; «*Resuelto, osado, intrépido*» [DRAE]. Прилагательное *arrogante* полисемично: 1) высокомерный, спесивый; с большим самомнением; 2) мужественный, храбрый [ИСРС, 93]; «*1. Altanero, soberbio. Valiente, alentado, brioso*» [DRAE], ‘1. Высокомерный. 2. Храбрый, отважный, решительный’.

4. ‘Темнота’ / ‘тьень’ — ‘страх’

Еще одним активатором страха является темнота³ и тень. Это подтверждается данными Русского ассоциативного словаря [РАС 3; РАС 4]: среди реакций на стимул «темнота» перечисляются страх, бояться, опасность; среди стимулов, вызывающих реакцию «темнота, указаны бояться (11), жутко (2); жуть (2); страх (2); страшно (2); пугать; трусить; ужас. Каузальная связь между темнотой и страхом подтверждается семантическими переходами вида ‘темный’ — ‘опасный’, ‘темный’ — ‘страх’, ‘темный’ — ‘подозрительный’. Тень — это тоже темнота: «темное пространство, отгороженное, застланное чем-нибудь от источника света, куда не проникают лучи света» [ТСРЯ]⁴; среди реакций на стимул «тьень» фигурирует сумрак, темнота, темно и страх [РАС 3, 176].

(а) Испанское существительное *sombra* имеет значения — ‘тьень’ и ‘темнота’ (обычно во мн. числе) [ИСРС, 711]. *Sombra*: «*1. Oscuridad, falta de luz, 2. Imagen oscura que sobre una superficie cualquiera proyecta un cuerpo opaco, interceptando los rayos directos de la luz. La sombra de un árbol, de un edificio, de una persona*» [DRAE], ‘1. Темнота, отсутствие

³ Страх темноты — никтофобия. По мнению психологов этот страх — проявление страха перед неизвестным, неизвестностью.

⁴ Показательно, что одним из стимулов, вызывающих реакцию «тьень», является мрак [РАС 4, 278].

света. 2. Нечеткое отображение, которое отбрасывает непрозрачный объект, задержавший попадание прямых солнечных лучей'. От существительного *sombra* произошел глагол *asombrar*, имеющий значение 'пугать, ужасать' [ИСРС, 98]⁵; «De *sombra*. Causar susto a alguien. U. t. c. prnl.» [DRAE], 'От *sombra*; вызывать страх; в прономинальной форме — пугаться'. Производное существительное *asombro* тоже имеет значение 'страх': «Susto, espanto» [Там же].

(б) Английское прилагательное *murky* имеет значения: 1) 'темный', 'мрачный'; *murky night* - тёмная /мрачная/ ночь [НБАРС]; 2) 'подозрительный'⁶. Например: *It's a murky situation, and a tricky one to call for shareholders* Times, Sunday Times [CAED].

(в) Французское существительное *ombrage* выступает в двух значениях: (1) 'тень'; 2) 'опасение; подозрение; беспокойство' [ГТ]. Приведем обоснование указанного семантического перехода в словаре [PR, 1186]: «(XVIe: l'ombre excitant la défiance et l'inquiétude, particul. chez les chevaux», '16 в.: тень, вызывающая опасение и беспокойство, особенно у лошадей'. От существительного *ombrage* образовано прилагательное *ombrageux*, имеющее значение 'пугливый': «1. [En parlant d'un animal] Qui est sujet à prendre peur facilement» [TR], 'О животных. Тот, кто легко пугается'.

5. 'Привидение' / 'призрак' — 'страх'

Призраки, привидения также являются активаторами страха. Это утверждение согласуется с данными Русского ассоциативного словаря. Реакциями на стимул «привидение» являются страх; ужас; ужасное; напугало; бояться [РАС 3, 138—139]. Реакцией на стимул «привидение», тоже является страх: «пугать привидением» [РАС 4, 221]. Реакциями на стимул «призрак» являются страх; страшный; ужас; страшно [РАС 3, 139]. Указанная каузальная связь отражена и в семантическом развитии слов в разных языках. Например:

⁵ Необходимо отметить, что от слова *sombra* произошел семантический переход еще одного вида, а именно к значению 'удивлять(ся), изумлять(ся), поражать(ся)' [ИСРС, 98], «Causar gran admiración o extrañeza a alguien. U. t. c. prnl.» [DRAE], 'вызывать большое восхищение или изумление у кого-л. В прономинальной форме — восхищаться, удивляться'.

⁶ Внушающий подозрения, опасения, недоверие [ТСРЯ].

(а) Глагол *to spook* (англ.), выступает в значениях ‘пугать’ / ‘пугаться’: «1. informal frighten; unnerve. *They spooked a couple of grizzly bears.* 1.1 [no object] (especially of an animal) take fright suddenly. He’ll spook if we make any noise » [OD]. Глагол является производным от существительного *spook* — ‘призрак, привидение, дух’: «*spook* (n.) 1801, “spectre, apparition, ghost,” from Dutch *spook*, from Middle Dutch *spooc* “spook, ghost,” from a common Germanic source <...> *spook* (v.) 1867, “to walk or act like a ghost,” from *spook* (n.). Meaning “to unnerve” is from 1935. Related: Spooked; spooking» [OED].

(б) Прилагательное *aghast* (англ.) имеет значение ‘охваченный ужасом’: «объятый страхом, поражённый ужасом, в ужасе; *to stand aghast at smth.* — быть в ужасе от чего-л.; *to leave smb. aghast* - напугать кого-л. до смерти» [НБАРС]; ««Suddenly filled with strong feelings of shock and worry: *He looked at her aghast*» [CAL]. Прилагательное происходит от др. англ. существительного *gæst*, имевшего значение ‘призрак, привидение’ «с. 1300, *agast*, “terrified, suddenly filled with frightened amazement,” past participle of Middle English *agasten* “to frighten” (с. 1200), from a- intensive prefix (see a- (1)) + Old English *gæstan* “to terrify,” from *gæst* “spirit, ghost”» [OED].

(в) Испанское существительное *azoro* в Центральной Америке имеет значение ‘привидение, призрак’ [CAED, 92]. Производный глагол в Гондурасе имеет значение ‘пугаться’: «Гонд. 1) пугаться; 2) бояться привидений, призраков [там же].

Примером обратного перехода ‘страх’ → ‘привидение’ является испанское существительное *espanto* (от латинского *expravere* — ‘пугаться, страшиться, ужасаться’ [ЛРС, 396]), выступающего в значении — ‘ужас, страх’⁷: «страх, испуг, ужас» [ИСРС, 345], «terror» [DRAE], ‘страх; ужас’. В странах Латинской Америки слово *espanto* приобрело значение ‘привидение, призрак’ [БИРСЛА и др.]⁸. Одно из значений глагола *espantar* в Венесуэле — ‘являться (о привидениях)’ [там же]. Прилагательные *espantoso* в Аргентине

⁷ Показательно, что у слова отмечается также значение ‘угроза’ [БИРСЛА], «*Amenaza o demostración con que se infunde miedo*» [DRAE], ≈ ‘Угроза или демонстративные действия, вызывающие страх’.

⁸ В словаре [DRAE] это значение дается без пометы «Латинская Америка»: «m. *fantasma* (imagen de una persona muerta)», ‘привидение, призрак (призрак умершего человека)’.

имеет значение ‘пугливый’ [там же]; а в Венесуэле это прилагательное имеет значение ‘посещаемый привидениями (о доме)’ [там же].

6. ‘Громкий звук’ / ‘шум’ — ‘опасность’ / ‘страх’

Громкие звуки, шум ассоциируются с опасностью, а, следовательно, могут вызывать тревогу, страх. В Русском ассоциативном словаре [РАС 3, 200] среди реакций на стимул «шум» отмечены беспокойство и страх.

(а) Английский глагол *rattle* сочетает значения ‘издавать громкие звуки’ и ‘вызывать страх’: «1. трещать; грохотать; греметь. 2. двигаться с грохотом. 4. испугать, припугнуть» [НБАРС]; «to (cause something to) make a noise; to worry someone or make someone nervous: *The creaking upstairs was starting to rattle me*» [CAL]. Например: (1) *They went rattling over an underground ravine* (Joanne Kathleen Rowling. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*). *С грохотом пронеслись они мимо подземного ущелья* [НКРЯ]. (2) *The trouble with applying large force to anything, however, is it rattles us* (Simon Sinek. *Leaders Eat Last: Why Some Teams Pull Together and Others Don't* (2014)). Проблема заключается в том, что применение большой силы пугает нас [НКРЯ].

Исходное значение глагола — ‘издавать громкие звуки’; значение ‘беспокойство, страх датируется 1869 г. по версии словаря [OED], 1887 г. — по версии словаря [OUD]: «с. 1300 (intransitive), “To make a quick sharp noise with frequent repetitions and collisions of bodies not very sonorous <...> The transitive sense is from late 14c. The colloquial American English figurative meaning of “fluster, shake up, unsettle” is attested by 1869, on the notion of “startle or stir up by noisy means” [OED]; «To make (a thing or things) rattle 1560. b. To assail with a rattling noise Shaks. <...> orig. U.S. To shake or agitate (a person) by fear or consternation 1887»⁹ [OUD, 1661].

(б) Испанский глагол *roncar* выступает в следующих значениях: «3) рокотать (о море); завывать (о ветре); 4) разг. угрожать, запугивать» [ИСРС, 678]; «3. *Dicho del mar, del*

⁹ Как видно, в основе появления значения ‘страх’ у английского *rattle* лежат два компонента ‘агрессия’ (см. выше) и ‘громкие звуки, шум’.

viento, etc.: Hacer un ruido sordo o bronco. 4. intr. coloq. Echar roncas amenazando» [DRAE],
'3. О море, о ветре и т.п.: издавать глухие резкие звуки. 4. Произносить угрозы'.

7. 'Горячий' — 'опасность'

Семантические переходы вида 'горячий' — 'опасность' свидетельствуют о том, что в картине мира разных языков страх¹⁰ может ассоциироваться с высокой температурой, с жарой.

(а) Прилагательное *chaud* (франц.) — 'горячий', в разговорной речи имеет значение 'рискованный, опасный' [ГрГр, 132]; «*Cela est trop chaud*. Это очень опасно» [ФРФС, 211]; «*Dangereux*» [AD, 1417], 'опасный'; «*Dangereux. Il y faisait chaud, la gendarmerie y étoit*» [GE, 148], 'Опасный. Там было опасно, там была жандармерия'.

(б) Французский непереходный глагол *chauffer* — 'нагреваться', в разговорной речи обозначает возникновение опасной ситуации: «*ça chauffe, ça va chauffer* — дело плохо; дело принимает плохой <опасный> оборот» [ГТ]; «*ça chauffe! Il y a du danger*» [AD, 1417], букв. 'ça chauffe! Существует опасность'; «*Ça va chauffer, hein?*» [ГрГр, 132], 'дело плохо, а?'. «*Il me crie : «Demain ça va chauffer. Je risque d'y laisser ma peau. Confessez-moi, monsieur le curé»* A. FRANCE, L'Orme du mail, 1897, p. 57» [TR], ≈ 'Завтра будет жарко. Я могу погибнуть. Исповедуйте меня, месье кюре'.

(в) Прилагательное *hot* (англ.) имеет значения 'горячий' и 'опасный': «опасный, рискованный; *hot situation* — опасная ситуация» [НБАРС]. «dangerous or unpleasant (esp in the phrase make it hot for someone)» [CED]; «dangerous or risky for use as a hiding place» [WNW].

(г) На воровском жаргоне русские прилагательное *горячий* и наречие *горячо* обозначают опасность: «Горячо — опасно! следят!» [ТСУ, 142].

Заключение

Итак, объектом нашего рассмотрения были активаторы, возбудители страха, т.е. явления, продуцирующие у человека чувство страха. Нашей задачей было представление

¹⁰ Еще раз отметим, что опасность является компонентом прототипической ситуации страха.

семантических переходов вида 'а' — 'страх', где элемент 'а' в картине мира конкретного языка выступает активатором этой эмоции. Как показало исследование семантической деривации лексических единиц в нескольких языках (русском, английском, французском, испанском, португальском), в числе активаторов страха в картине мира разных языков выступают следующие явления: привидения, призраки, громкие звуки, шум, высокая температура, жара. Актуальность исследования, как представляется, обусловлена тем, что изучение семантических переходов, семантической деривации лексических единиц дает богатый материал для изучения языковой картины мира, для построения объяснительных моделей языка, для семантической типологии.

Список источников и сокращений

ЛРС — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993—1994 // https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan.

БИРСЛА — Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А. С., Михеева Н. Ф., Кузнецов В. В. и др. Под ред. Н. М. Фирсовой. М.: ИнфраМ, 2011// <https://translate.academic2.ru>.

ГрГр — Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. (на материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1988.

ГТ — Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.: Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1998. // https://active_type_fr_ru.academic.ru.

ИРСР — Испанско-русский словарь / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др. Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

РАС 3 — Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1996.

РАС 4 — Русский ассоциативный словарь. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1996.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940. (4 т.) // https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova

ТСУ — Толковый словарь уголовных жаргонов Под общей редакцией Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. Авторы Ю .П. Дубягин (руководитель). Бронников А. Г., Борова Г. В., Достанбаев К. С., Пухов Д. И., Коршунов А. С., Леонов А. И., Дихтеренко В. П. Москва: СП «Интер-ОМНИС». © СП «РОМОС». 1991 /// [tolkovy_slovar_ugolovnykh_zhargonov_1991__ocr.pdf](#).

ФРФС — Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.

AD — Doillon A. Dictionnaire de l'argot. P., Robert Laffont, 2010.

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935) // http://french_academie.fr/academic.com.

CAED — COBUILD Advanced English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.

CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. Fourth Edition. 2013 [Electronic resource] — Access mode: <http://dictionary.cambridge.org>.

CED — Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.

DDA — Diccionario de americanismos © 2010. Asociación de Academias de la Lengua Española // <https://lema.rae.es/damer>.

DLF — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. On-line: //<http://www.lexilogos.com>.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // <http://dle.rae.es>.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) // <http://artflx.uchicago.edu>.

GCD — Gutiérrez Cuadrado, J. (dir.). (1996). Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Madrid: Santillana — Universidad de Salamanca // http://sal_es.esacademic.com.

GE — Esnault G. Dictionnaire historique des argots français. P.: Librairie Larousse, 1965.

JWH — Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // <http://www.prima-elementa.fr>.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 //<https://en.oxforddictionaries.com>

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011–2015 // <http://www.etymonline.com>.

OLD — Olivetti E., Olivetti F. Dictionnaire Latin — Français // <http://www.granddictionnaire-latin.com/dictionnaire-latin-francais.php>.

ODU — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008—2013 //<http://www.priberam.pt>.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // <http://atilf.atilf.fr>.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // <http://websters.yourdictionary.com>.

Литература

Апресян В. Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 15—20.

Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Часть 1 // Вопросы языкознания. 2011 №1. с. 19—51.

Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: Статус каузативного компонента // <http://www.dialog-21.ru/media/1221/apresyanvju.pdf>. 2017.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ, 1993, 3. С. 27—35.

Апресян Ю. Д. Любить 2, Обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 180—185.

Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 326—375.

Грекова В. Е. Обозначение эмоций в языке: национально-культурный аспект. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2012.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999 // http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy.

Иоанесян Е. Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016. С. 160—166.

Иоанесян Е. Р. К типологии семантических переходов в лексическом поле эмоциональных состояний // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. ФГБУ Институт языкознания Российской академии наук. М.—Ярославль: Канцлер, 2018. С. 43—55.

Иоанесян Е. Р., Рябцева Н. К., Ковшова М. Л., Дронов П. С., Орлова О. С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2020. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2020.

Руссо М. М. Локализация эмоций в языках мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов (электронное научное издание). Вып. 2, 2010.

Ekman P. An Argument for Basic Emotions / P. Ekman // Cognition and Emotions, No 6 (3/4), 1992. Pp. 169—200.

Mouchiroud C. Utilisation et expression des émotions dans la créativité verbale. // Les émotions dans les interactions. Lyon: Presses universitaires, 2000. Pp. 71—83.

The Language of Emotions: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997.

Wierzbicka A. Human emotions: Universal or Culture Specific? // American Anthropologist, New Series, Vol. 88, No. 3. (Sep., 1986). Pp. 584—594.

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Semantic shift of the type ‘fear activator— fear’ in a variety of languages

**E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper deals with fear activators, that is to say, the phenomena that produce fear, which is one of the basic human emotions. There may be different reasons behind fear, and it may be rational and irrational, based on the feeling of imminent danger or on the suppositions and predictions of probable events in the future. Psychology distinguishes between fear activators such as quickly approaching objects, pain, solitude, death, tight spaces, darkness, and the unknown. Some of these activators have become the basis of naming fear in different languages. The article employs the method of analysing semantic shifts, which reflect the changes in meanings of words that occur in various languages on a regular basis. Based on the wide array of languages, it concerns itself with the ‘a — fear’ semantic shifts, where ‘a’ stands for a fear activator in the worldview of a given language.

Keywords: semantics, semantic derivation, semantic typology, language worldview.

К вопросу о формировании французского письменно-литературного языка

В.А. Кожемякина (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье исследуется язык старофранцузской деловой письменности XIII в. Старофранцузские грамоты анализируются с точки зрения функциональной стилистики, а также теории генезиса письменного литературного языка с целью уточнения их языковых особенностей и их вклада в стандартизацию и унификацию французского языка в период его донационального развития.

Исследование языка и состава грамот XIII в. выявило, что письменный деловой французский язык донационального периода характеризуется формульным стилем и имеет свои устоявшиеся традиции как в композиции, так и в использовании языковых средств. Можно утверждать также, что временные формы глагола в деловых текстах стандартизированы и в какой-то мере контрастируют с вариативностью их значения и употребления в старофранцузских текстах других жанров. Установлено, что синтаксические модели грамот XIII в. гораздо более разнообразны, чем те, которые можно встретить в других жанрах письменности того периода. Лексическое исследование грамот показало, что их активный словарь достаточно обширен. Это опровергает распространенное в романистике мнение о том, что в деловых текстах используется ограниченный словарный запас. Анализ текстов, в свою очередь, показал, что отличительные черты делового стиля присутствуют уже в деловых текстах старофранцузского периода. Таким образом, результаты исследования выявили влияние старофранцузского делового языка на стандартизацию французского письменного литературного языка в донациональный период.

Ключевые слова

История французского языка, старофранцузский язык, дипломатический анализ старофранцузских грамот XIII века, языковые особенности деловых текстов на старофранцузском языке.

Важное значение для решения проблемы исследования процессов формирования французского письменно-литературного языка имеет то обстоятельство, что многие языки, такие как провансальский литературный язык, русский и немецкий литературные языки, сложились под большим влиянием и на основе языка деловой письменности [Гурычева, Катагощина 1964; Виноградов 1978; Каштанов 1970; Филин 1974; Гухман 1955].

Поэтому для решения проблем формирования и унификации норм французского литературного языка донационального периода особый интерес представляет привлечение деловых старофранцузских текстов.

Наиболее ранние памятники романских языков (в том числе и французские — «Страсбургские клятвы») являются именно деловыми документами. Это свидетельствует о том, что официально-деловой стиль начал складываться довольно рано.

Языковая ситуация средневековой Франции характеризовалась диглоссией. Существовавшие в этот период параллельно латынь и старофранцузский язык выполняли различные функции и применялись в разных сферах общения. Официально признанным языком делового общения был латинский, использовавшийся в этом качестве вплоть до XVI в. Однако уже в XIII в. область письменного делового общения делится между двумя языками: «официальным» латинским и «народным» французским. Становление старофранцузской деловой письменности проходило при противоборстве двух тенденций, которые можно определить условно как «латинскую» и «народную».

Согласно принятой в романистике теории скрипты, язык старофранцузских грамот не был письменной фиксацией устного типа языка данного периода и данной местности, а представлял собой общепольский средневековый письменный язык, распространенный на всей территории Франции [Valkoff 1939]. Образование общепольской наддиалектной скрипты объясняется несколькими причинами: во-первых, различия между устными диалектами старофранцузского языка в этот период не были значительными; во-вто-

рых, латинская орфография являлась единственной основой для формирования письменности на всей территории Франции в средние века; в-третьих, общепольский характер письменного делового языка был связан с взаимодействием разных диалектов [Катагощина 1954; Gossen 1970; Remacle 1948].

Хотя ученые и отмечают наличие общепольского наддиалектного языка в средние века, однако ни одно из проведенных исследований не охватывало одновременно всех видов старопольской письменности. Само понятие средневековой общепольской скрипты было выработано на материале отдельных жанров. В этой связи представляет интерес сопоставительное изучение языковых особенностей разных видов письменности, что позволило бы или обоснованно подтвердить единство старопольского языка в текстах разных жанров, или, напротив, удостоверить наличие стилистической дифференциации польского языка уже в донациональный период.

При историко-стилистическом исследовании деловых старопольских текстов полезно сопоставление релевантных черт делового письменного старопольского языка и делового стиля в современном языке.

В процессе эволюции стилей наиболее кардинальные изменения, как принято считать, касаются не основных, сущностных черт какого-либо стиля и не тех языковых единиц, которые составляют специфику данного стиля, а периферийных стилевых черт и реализующих их языковых единиц [Кожина 1968]. Поэтому наличие в старопольских грамотах релевантных черт делового стиля современного польского языка позволяет подтвердить существование в старопольский период стилистической дифференциации языка.

С целью выявления релевантных черт старопольских деловых грамот был проведен дипломатический анализ средневековых грамот, который позволил выявить специфику структуры этих текстов. Материалом для исследования послужили грамоты XIII в., сохранившиеся в департаментах Верхней Марны и Уазы [DLF; PACH]. Всего было проанализировано 479 документов (684 страницы текстов). Результаты проведенного анализа

показали, что наблюдается упрощение старофранцузских грамот по сравнению с латинским формуляром, состоящим из трех частей, каждая из которых включает в себя несколько компонентов.

ЛАТИНСКИЙ ФОРМУЛЯР ГРАМОТЫ [Vieillard, 1927; Каштанов, 1970]

Начальный

протокол: 1) *Invocatio* ('богословие'),

2) *intitulatio* ('адресант'),

3) *inscriptio* ('адресат'),

4) *salutatio* ('приветствие').

Текст: 5) *arenga, prologus* ('преамбула'),

6) *notificatio* ('объявление'),

7) *narratio* ('повествование'),

8) *dispositio* ('распоряжение'),

9) *sanctio* ('санкция'),

10) *corroboratio* ('удостоверение').

Конечный

протокол: 11) *datum* ('выходные данные'),

12) *apprecatio* ('заключение').

В старофранцузских деловых текстах отсутствуют те компоненты, содержание которых не связано непосредственно с содержанием документа: *invocatio* 'богословие', *arenga* 'преамбула', *apprecatio* 'заключение', также редко встречается *narratio* 'повествование'.

Сопоставительное исследование документов XIII в. выявило, что грамоты начала и середины века по своему построению проще и короче, чем грамоты, составленные позднее. Этот факт свидетельствует о частичном разрыве латинской правовой письменности при зарождении старофранцузского делового языка. Вторая половина XIII в. является новым

этапом в становлении старофранцузского делового языка — это период вторичной рецепции римского права и делопроизводства, обусловленной образованием широкой сети государственных канцелярий, образованием института клерков, обучавшихся на образцах латинского делопроизводства. Данный экстралингвистический фактор (развитие бюрократии) и вызвал, вероятно, усложнение структуры и языка старофранцузского документа. Первичная деканонизация латинской грамоты сменилась стремлением к максимальному усложнению, к большому приближению к латинскому стандарту, но уже на качественно новом языковом материале — французском.

Проведенный формулярный анализ грамот привел к следующим заключениям:

- Во всех исследованных грамотах, несмотря на значительное разнообразие их видов, обнаруживаются определенные стандартные приемы построения как в протокольной, так и в основной частях документа. Все исследуемые деловые тексты имеют один и тот же формуляр, что дает основание предполагать наличие вполне разработанного формуляра, по образцам которого писался тот или иной документ.

- В построении, формуляре и отборе определенных грамматических и лексико-фразеологических средств исследуемых текстов, составленных в разных городах и разными нотариусами, при некоторых орфографических различиях, наблюдается единообразие — это позволяет утверждать, что в XIII в. во Франции уже начал складываться деловой стиль, в достаточной степени формализованный и нормированный.

- В разных видах документов засвидетельствованы повторяемость лексических и грамматических средств и их «закрепленность» за определенными клаузулами средневековой грамоты, что обнаруживает стилевое единство старофранцузской деловой письменности.

Исследование языковых характеристик грамот XIII в. и их сопоставление с языковыми особенностями художественных и агиографических текстов того же периода, а также деловых текстов последующих веков, позволило сделать следующие выводы.

I. В исследуемых текстах широко представлено аналитическое романское образование — прошедшее время *passé composé*. В старофранцузских стихотворных произведениях это глагольное время встречается значительно чаще, чем в контемпорарных прозаических произведениях, что определяется отнесенностью этого глагольного времени к разговорному языку. Частое употребление в деловых текстах глагольного времени *passé composé*, по-видимому, объясняется: во-первых, определенным влиянием разговорного языка на деловую письменность; во-вторых, спецификой деловых текстов, у составителей которых возникала необходимость обозначить прошедшее действие, результаты которого продолжают в настоящем; и, в-третьих, тем обстоятельством, что время *passé composé* в старофранцузский период, в отличие от времени *passé simple*, не имело того многообразия функций и значений старофранцузской формы *passé simple*, которые могли бы создать двусмысленность в обозначении временного плана.

II. Относительные времена в деловой старофранцузской письменности характеризуются более строгими правилами употребления по сравнению с другими видами письменности того времени. Формы глагольных времен *passé antérieur* и *plus-que-parfait* отмечены в грамотах только в придаточных предложениях для обозначения предпрошедшего времени. Формы времени *futur antérieur* также отмечены только в придаточных предложениях, где они обозначают будущее действие, предшествующее другому будущему действию, выраженному в главном предложении.

III. Особого внимания заслуживает отмеченная в одной грамоте XIII в. глагольная форма времени *passé surcomposé*, так как до настоящего времени самое раннее употребление сверхсложного прошедшего времени было зафиксировано в словарях лишь в текстах XV в.

В отмеченном в грамоте случае (так же, как и в современном языке) употребление *passé surcomposé* ‘сверхсложного прошедшего времени’ в придаточном связано с употреблением *passé composé* в главном предложении:

...je... ai doné e otroié (passé composé) perpetuellement au devant dis le prieur e les freres del Val des Escoliers la tierce des terres que il ont eu conquis (passé surcomposé) del devant dit Pierre de Sezenne... [DLF, грамота № 198].

‘..я... отдал и предоставил в вечное пользование настоятелю и общине Валь де Эколье третью часть налогов с земель, которые они приобрели (ранее) у Пьера из Сезена...’.

Употребление сверхсложного прошедшего времени, свойственного разговорному языку, в деловом тексте XIII в. позволяет также высказать предположение о некотором влиянии разговорного языка на язык документов.

В глагольной системе грамот XIII в. довольно широко представлены случаи употребления наклонения сослагательного наклонения *subjonctif*. В исследуемых памятниках представлены все четыре времени этого наклонения. На 3822 личные глагольные формы зафиксировано 337 случаев использования форм сослагательного наклонения.

Употребление форм сослагательного наклонения в старофранцузских деловых текстах в основном соответствует общепринятым правилам функционирования этого наклонения в старофранцузский период, однако отмечены случаи необычного употребления *subjonctif* после союза *com*; эти случаи представляют особый интерес, так как речь шла о реально существовавших в прошлом действиях и явлениях (в подобных придаточных предложениях употреблялись только прошедшие времена *subjonctif*: *imparfait*, *passé*, *plus-que-parfait*):

Je, Henris de Vergé, sénéchaux de Borgoigne et sires de Mirebel, fi savoir a touz ces qui verront ces leitres que cum je eusse fait une jortereice en la montaigne c-un apelle Montfierge... [1, грамота № 71].

‘Я... сообщаю... что, так как я построил крепость на горе...’.

Наличие форм наклонения *subjonctif* в данной конструкции можно, видимо, объяснить ошибочной аналогией подобного типа предложения с латинским придаточным, вводимым союзом *cum* (*cum causale*), в котором употребление конъюнктива было обязатель-

ным. Подобное влияние латинского языка осуществлялось, вероятно, через формуляр латинских грамот. Тот факт, что эта конструкция является отличительной особенностью средневековых французских деловых текстов, подтверждается тем, что исследователи старофранцузского синтаксиса не включают союз *si* в число тех, которые вводят придаточные причины, а указывают на редкое употребление этого союза только с временным значением и только в переводах с латинского [Васильева, 1976].

Функционирование времен условного наклонения *conditionnel*, за исключением единичных случаев, характеризуется большей нормированностью, чем в других видах контемпорарной письменности. Употребление времен и наклонений в условных периодах в деловых старофранцузских текстах более приближено к современному употреблению. Наиболее встречаемый вариант: в главном предложении глагол употреблен в *conditionnel présent*, в придаточном — *si (se) + imparfait de l'indicatif*

Et se nos laissiens (imparfait) a-paier la devant dite dime, li eglise de Saint Orbain asseneroit (conditionnel) a-la vigne et la porroit (conditionnel) tourner [DLF, грамота № 87].

‘И если бы мы позволили выплатить указанную десятину, взимаемую Церковью с урожая, церковь Сент-Орбен направила бы её на этот виноградник и могла бы его переделывать’.

Встречаемость условного наклонения в исследуемых деловых текстах довольно велика: на 3822 личные глагольные формы нами отмечено 173 случая употребления этого наклонения.

Отличие деловых текстов от контемпорарных художественных произведений касается также тех языковых явлений, которые считаются релевантными признаками делового стиля в современном языке. Это проявляется в следующем:

1. В грамотах широко употреблялись пассивные формы глагола, редко встречающиеся в других видах письменности.

Важно отметить, что в XIII в., когда было еще достаточно сильным влияние латыни в области делопроизводства, уже наблюдается широкое использование совершенно новой

(аналитической) пассивной формы глагола в разных временах и наклонениях, т. е. эта форма становится органичной составной частью письменного делового старофранцузского языка.

Чаще всего в пассиве встречаются лишь определенные глаголы (разнообразные по лексической семантике), что указывает на то, что пассивная форма этих глаголов уже стала штампом, переходящим из одного документа в другой. Помимо наиболее употребительных глаголов *faire* ‘делать’ и *tenir* ‘держат’ в пассиве отмечены следующие глаголы: *mettre* ‘ставить, отпускать’, *asseoir* ‘усаживать, ставить, образовывать, ударять’, *dire* ‘говорить, называть’, *donner* ‘давать, дарить’, *paier* ‘платить, примирять’, *saeller* ‘запечатывать, ставить печать’, *escrire* ‘писать’, *abonir* ‘объявлять, считать’, *assieger* ‘осаждать’, *laisser* ‘отпускать, ослаблять, покидать, позволять’, *racheter* ‘выкупать, снова покупать’, *otrier* ‘разрешать, предоставлять, одобрять’, *prendre* ‘брать, захватывать, присваивать’, *deviser* ‘делить, отделять, решать, выбирать’, *establi* ‘устанавливать, решать, приказывать’, *apeler* ‘звать, призывать, называть, подавать в суд’, *lever* ‘поднимать, возводить, прославлять, взимать’, *contenir* ‘содержать, удерживать, поступать’, *prover* ‘доказывать, испытывать’, *enveier* ‘атаковать, нападать’, *obliger* ‘вынуждать, оказывать услугу’ и др.

Пассивные формы были закреплены за определенными частями документа. При помощи этой глагольной формы обычно выделялся результат достигнутого соглашения, принятого решения, а также дата грамоты, например:

...*ces lettres furent faites*... [DLF, грамота № 84]

‘...эти письма были составлены...’

2. В исследуемых текстах представлены безличные обороты, из которых наиболее употребительным был *se il avenoit par aventure que* ‘если случится так, что...’, но встречаются также и другие безличные конструкции.

Использование деловым языком пассивных и безличных конструкций связано, несомненно, с тенденцией к выделению в документах объекта и обезличиванию субъекта действия. Эта особенность характеризует деловые тексты на всех этапах развития языка.

3. В старофранцузских грамотах представлены следующие неличные формы глагола:

- действительные и страдательные причастия (*participe présent* и *participe passé*), которые употреблялись, в основном, в клишированных формулах;
- инфинитивные формы глагола, но из всех функций инфинитива в деловых текстах использованы только две: он употребляется в качестве компонента составного сказуемого и в функции обстоятельства (в последнем случае обязательным было употребление предлога).

На столь однообразное употребление инфинитива в грамотах, по-видимому, влияло чисто глагольное значение латинского инфинитива, что отличает грамоты от других видов старофранцузской письменности, где наблюдается сближение инфинитива с именем существительным.

4. Исследуемые деловые тексты имеют также ряд особенностей в области синтаксиса:

- для грамот характерны сложные синтаксические конструкции с развитой системой сочинительных и подчинительных связей;
- в деловых текстах отмечаются большее количество подчинений, большая многоступенчатость подчинения, большее количество придаточных в сложном предложении по сравнению с памятниками других видов письменности;
- для деловых текстов характерны большие размеры предложений (до 400 слов); построение подобных сложных синтаксических конструкций свидетельствует о многообразии синтаксических средств во французском языке изучаемой эпохи, которые проявились и развились наиболее широко именно в памятниках деловой письменности;
- в грамотах отмечены также и простые предложения, которые представляют собой обычно клаузульные формулы, такие как, например, формула *corraboratio* — ‘сведения об

удостоверительных знаках документа'; формула *datum* — 'время выдачи документа'; некоторые формулы *sanctio* — 'санкция'; формулы одобрения; клаузулы разрешения на совершаемую сделку или акт дарения;

- в простых и придаточных предложениях в грамотах, в отличие от других видов текстов, никогда не опускается подлежащее;

- деловым текстам свойственно «несоюзное» употребление соединительного союза *et* в качестве зачина повествования;

- в исследуемых деловых текстах в простых предложениях, главных и придаточных предложениях личное субъектное местоимение часто отделяется от глагола — сказуемого не только приложениями, но и распространенными прямыми и косвенными дополнениями, и даже придаточными предложениями, тогда как в художественных текстах личное субъектное местоимение и личная форма глагола находятся в контактной позиции, подготавливая их современное слияние. Подобная менее тесная связь между синтаксически связанными элементами предложения объясняется специфической функцией деловых текстов: полно, последовательно и систематически изложить содержание документа, что и вызывает членение высказывания вводными словами, приложениями, определительными и дополнительными придаточными.

В ходе исследования были рассмотрены лексические особенности деловых старофранцузских текстов, была проведена стратификация словарного массива грамот по лексико-тематическим группам. Хотя грамоты характеризуются общностью большей части лексического состава и повторяемостью определенных лексических и фразеологических средств в определенных частях документа, тем не менее их лексический состав многообразен; деловые тексты также содержат лексический материал, не отмеченный в памятниках других видов письменности. Наиболее широко в этих текстах представлена лексика деловая, административная и судебно-юридическая; лексика, связанная со структурой средневекового общества и общественными отношениями, с обозначением социально-экономических отношений.

Следует отметить также то обстоятельство, что анализ большого количества деловых текстов позволил внести некоторые коррективы в датировку первой письменной фиксации слов, отмеченной в словарях старофранцузского языка, поскольку в деловых текстах они встречаются гораздо раньше.

В результате анализа грамот XIII в. в них отмечены следующие лексико-грамматические особенности делового стиля.

1. Из всех лексико-грамматических особенностей делового стиля наиболее характерной для средневековых французских грамот является плеоназм. Избыточность выражения затрагивает почти все грамматические разряды слов: существительные, глаголы, местоимения, прилагательные, наречия:

... Jehans... et ses freres... aquitent entièrement le prieur et les Jreres do Vaul des Ecoliers de toutes quareles, grauses, detes et controversies qu-il ont eues envers aus jusqu-aujordui...[DLF, грамота № 102].

‘...Жан... и его братья... уступают полностью настоятелю и общине Валь де Эколье во всех тяжбах, спорах, разногласиях, долгах и пререканиях, которые они имели по отношению к ним до настоящего дня...’.

Можно предположить, что использование подобных плеонастических конструкций было обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как тенденция к ясности, детализации, исключению недосказанности, что очень важно для документов. В данном случае можно предположить также и влияние разговорного языка, который всегда характеризуется наличием плеоназма.

2. В старофранцузских деловых текстах, как и в современных документах, отдается предпочтение не простым глаголам, а их аналитическим эквивалентам, например: *prendre le seel* вместо *saeller* ‘приложить печать’; *porter garantie* вместо *garantir* ‘гарантировать’; *faire offre* вместо *offrir* ‘предлагать, дарить’, хотя употреблялись и синонимичные им глаголы.

Подобно плеоназму, использование аналитических конструкций представляет собой стилистический прием, призванный придать тексту более возвышенный и торжественный тон.

3. В грамотах получили широкое употребление отглагольные существительные, которые, применяющиеся прежде всего в памятниках деловой письменности, проникают в письменный язык и закрепляются в нем.

Деловой письменный старофранцузский язык использовал различные суффиксы для образования существительных с одним значением от одного глагольного корня. Например: *acroissance, accroissement, crois* ('увеличение'); *donance, donation, don* ('дар, дарение'); *vendage, vendue, vente* ('продажа') и др. Наличие нескольких морфологических вариантов одного и того же слова наглядно иллюстрирует проходивший в старофранцузском периоде процесс формирования отглагольных существительных, имевших морфологические дублиеты, из которых в языке закрепились в дальнейшем только одна форма.

4. Кроме формульных средств и определенных устойчивых словосочетаний старофранцузским деловым памятникам свойственно использование, хотя и в небольшой мере, этикетных элементов. Повторяясь в одних и тех же формулах и сочетаниях слов, этикетные элементы с начала формирования деловой письменности становятся одной из ее стилистических особенностей. Большинство текстов составлено в нейтральном стиле, их характеризует официально-сухая манера изложения, но отдельные традиционные этикетные элементы имеют эмоционально-экспрессивный характер, например, определения. Определений в старофранцузских грамотах отмечено мало, но те, которые встречаются, повторяются из грамоты в грамоту, становясь традиционными этикетными элементами и образуя с определяемым словом клишированный блок с разной степенью устойчивости:

l-enorable pere l-evesque de Lengre 'достопочтенный отец епископ' [DLF, грамота № 55]; *filz au noble baron* 'сын благородного барона' [DLF, грамота № 54]; *mum doulz et mum debonaire fil* 'мой кроткий и добрый сын' [DLF, грамота № 130]; *ma très chiere fille*

Jehanne ‘моя очень любимая дочь Жанна’ [DLF, грамота № 130]; *honoré pere Guion* ‘досто-
чтимый отец Гийон’ [DLF, грамота № 80]; *Gié, freres Loranz, humbles abbes de Morimant* ‘Я,
брат Лоранс, скромный аббат из Моримана’ [DLF, грамота № 196].

Постоянные этикетные определения находят место и в составе клишированных формул, где они, вероятно, были призваны подчеркнуть, выделить определяемое слово. Впоследствии этикетные определения становятся терминированными, обязательными элементами данной формулы.

Исследование показало, что формирование французской деловой письменности проходило при противоборстве двух тенденций: влияния латинской письменной традиции делопроизводства (случаи необычного употребления наклонения *subjonctif*, отсутствие субстантивации инфинитивных форм глагола, соблюдение принятых правил при построении документа и т. п.) и влияния старофранцузского разговорного языка (широкое употребление аналитических времен, частое использование времен *passé composé* и *imparfait*, появление формы *passé surcomposé* и т. п.).

Отмеченные особенности сложного процесса взаимодействия латыни и старофранцузского языка еще раз подтверждают общее для романских языков положение, что «латинский язык, с одной стороны... тормозил процесс развития поливалентности романских литературных языков (что и определяло резкий характер борьбы против латыни), но, с другой стороны, являлся постоянным источником их обогащения и, следовательно, способствовал обретению ими структурной подготовленности и функциональной самостоятельности» [Степанов 1976, 68].

Исследование композиции и языковых характеристик грамот XIII в. подтвердило правомерность подхода к этим текстам как к одной из стилистических разновидностей старофранцузской письменности — деловой. Деловой письменный французский язык донационального периода характеризуется формульностью стиля, обладает устойчивыми традициями, которые охватывают и формуляр грамоты, и использование языковых средств, закрепляемых за определенными частями документа.

Проведенный анализ лексико-грамматических особенностей делового стиля свидетельствует о том, что релевантные черты делового стиля присутствуют уже в старофранцузский период. Были отмечены такие стилевые черты, как использование плеонастических фигур, аналитических конструкций, отглагольных существительных, безличных конструкций, пассивной формы, преобладание сложных синтаксических построений с хорошо развитой системой подчинения. Все эти особенности характерны именно для деловой разновидности старофранцузской письменности, где они получили широкое распространение и закрепились за письменным типом языка. Исследование этих языковых характеристик подтвердило правомерность утверждения о том, что при эволюции стиля его основные специфические черты не претерпевают кардинальных изменений.

Распределение лексики грамот по лексико-тематическим группам позволило сделать вывод о довольно большом разнообразии лексики деловых памятников XIII в., что не подтвердило распространенного в романистике мнения о лексической бедности текстов делового характера.

Анализ глагольных и синтаксических характеристик грамот XIII в. позволил установить, что употребление глагольных времен в деловой старофранцузской письменности характеризуется большей нормированностью и, в определенной степени, противостоит многообразию значений и функций этих времен в контемпорарных памятниках других видов письменности.

Анализ языковых особенностей исследуемых текстов показал, что деловой стиль является одной из наиболее ранних стилистических систем французского языка.

Деловой письменный французский язык донационального периода, с его тенденциями к четкости, однозначному пониманию текста, к устоявшимся формулам-клише, употреблению синтаксических структур, несомненно, оказал большое влияние на унификацию и становление глагольной системы и выработку синтаксических норм французского письменно-литературного языка.

Источники

DLF — Documents linguistiques de la France (Série française). Chartes en langue française antérieures à 1271 conservées dans le département de la Haute-Marne / Publiées par J.-G. Gigot. Paris: Editions du Centre National de la recherche scientifique, 1974.

PACH — Les plus anciennes chartes. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise (1241-1286). Paris: Klincksieck, 1964. Т. 1.

Литература

Васильева Н.М. Структура сложного предложения (на материале французского языка раннего периода). М.: Высшая школа, 1976.

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

Гурычева М.С., Катагощина Н.А. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков (Галло-романская подгруппа). М.: Наука, 1964.

Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М.: Изд-во Академии наук. Часть 1. М., 1955. Часть 2. М., 1959.

Катагощина Н.А. О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.) / Дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1954.

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.

Филин Ф.П. Об истоках русского литературного языка // Вопросы языкознания. № 3, 1974. С. 3—13.

Gossen C.-Th. Grammaire de l'ancien picard. Paris: Klincksieck, 1970.

Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège: Faculté de Philosophie et Lettres, 1948.

Valkoff M. Individualité et interdépendance des vieux dialectes français // *Mélanges de linguistique romane offerts à M. Jean Haust*. Liège: H. Vaillant-Carmanne, 1939, P. 385—394.

Vieillard J. *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*. Paris: Champion, 1927.

On the formation of the French written literary language

V.A. Kozhemyakina

(Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

The paper investigates the language of Old French business writing of the 13th century. Old French charters are analyzed from the standpoint of functional stylistics as well as the theory of genesis of a written literary language so as to specify their linguistic peculiarities and their contribution to the standardization and unification which took place in the French language during its prenational period.

Research into the language and composition of the 13th century charters has revealed that written business French of the prenational period is characterized by a formulaic style and has its own established traditions both in the composition and language. It has also been stated that verb tense forms in the charters are highly standardized and to some extent contrast with the variability of their meaning and usage in Old French texts of all other genres. Further, it has been established that the charters syntactic patterns are much more diverse than those that can be found in any other writing of the period. The charters' lexical study has shown that their vocabulary is quite extensive. This refutes the wide-spread opinion in Romance philology that business texts use a restricted vocabulary. Text analysis in its turn has shown that distinctive features of business style are already present in the business texts of the Old French period. Thus, the results of the study revealed the influence of the Old French business language on standardization of written French as early as in its pre-national period.

Keywords: History of the French language, Old French, diplomatic analysis of Old French letters of the 13th century, linguistic features of business texts in Old French.

**Современная лексикография, дополненная лингвистическая реальность
и проблемы терминографии**

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье показано, что под воздействием стремительно развивающихся цифровых технологий современная лексикография переживает кардинальные преобразования лексикографических принципов представления лингвистической информации в различных информационных и интеллектуальных системах и приложениях. Выявлены новые активные тенденции в эволюции как самой лексикографии, так и в формировании и функционировании различных инновационных лексикографических ресурсов. Особое внимание в статье уделяется самой актуальной проблеме в области лингвистической поддержки межъязыковой научной коммуникации — лексикографическому представлению современной терминологии, которая под воздействием цифровых технологий приобретает принципиально новые свойства: динамичность, многокомпонентность, контекстуальность, междисциплинарность и др.

Ключевые слова

Цифровые технологии, развитие лексикографических ресурсов, автоматическое лексикографирование, терминологические кластеры, межъязыковая асимметрия.

1. Вводные замечания

С начала двухтысячных годов и по настоящее время лексикография как главный способ представления лингвистических знаний (наравне с грамматикой), претерпевает кардинальные изменения. Они вызваны стремительно развивающимися цифровыми технологиями, которые все более активно используются в лексикографии и порождают в ней принципиально новое направление — электронная лексикография, *electronic lexicography*,

e-lexicography [Abel, Bracco 2006; Granger, Paquot 2010; Tarp 2021] (здесь и далее *курсивом* даны составные лингвистические термины — Н. Р.). Последняя, в свою очередь, занимается созданием не только обычных и электронных словарей (*e-dictionaries*), но и играет все более заметную роль в создании и совершенствовании различных систем класса «искусственный интеллект» (ИИ), в их лингвистическом обеспечении, расширении их применения и взаимодействия со смежными ресурсами и мн. др. [Kilgarriff 2009; Abel 2010; Fuertes-Olivera et al. 2018; Tarp 2022].

Важнейшим направлением стремительной эволюции самой лексикографии выступает создание лексикографических ресурсов принципиально нового «активного» типа: электронных словарей, лексикографических баз данных, предметных лексиконов, онтологий и мн. др., отличительной чертой которых выступает многофункциональность, многоканальность доступа (*multiple access routes*), интеграция общих, специальных и фразеологических словарей (*efficient integration of phraseology and specialised dictionaries*) и мн. др. Основой вызов здесь связан с необходимостью разработки принципиально нового формата представления лексикографических данных, обусловленного инновационными возможностями цифровых технологий (*innovative changes to the dictionary structure afforded by the electronic medium*), которые призваны расширять принципы обращения к электронным лингвистическим ресурсам, учитывать различные интересы, цели и задачи различных пользователей, автоматизировать доступ к ресурсам и настройку на конкретного пользователя, кастомизацию (*automating customisation of dictionaries in function of users' needs*) и т.д. [Tarp 2019].

Так, традиционный лексикографический принцип представления лингвистической информации — словарная статья, по целому ряду причин не может быть использована в неизменном виде при формировании электронных лексикографических ресурсов и лингвистического обеспечения в системах класса ИИ [Huang, Tarp 2021]. Центральным направлением развития электронной лексикографии выступает ее интеграция в инновационные

лингвистические ресурсы: автоматизированные системы обучения чтению, письму, родному и иностранному языку, переводу, коммуникации и пр. (*language learning and teaching tools*) [Granger, Paquot 2010; Wachter et al. 2014; Fuertes-Olivera, Tarp 2020].

В настоящее время лексикография с уверенностью вошла в эпоху интернета, значительно обогатив лексикографические описания за счет использования интернет-приложений и получив возможность интеграции с ними в новые эффективные ресурсы класса *Augmented Writing* (AW) и др., обеспечивающие помощь в чтении, переводе и написании текстов разного типа, вида и содержания [Abel 2010, 3; Abel, Bracco 2006; Simonsen 2020; Tarp 2020; Huang, Tarp 2021]. Происходящие сдвиги в новой лексикографической практике позволяют говорить о новом содержании понятия «словарь», который становится «электронным ассистентом», (*electronic*) «e—Assistant», («e—Ассистент»). («Lexicography has definitively entered the internet age. Applying *web database applications* in a context of *enriched lexicographic descriptions* has opened new perspectives for the integration of resources and the development of new and efficient *reading, translation and writing assistants* and has in fact *reshaped the very definition of 'dictionary'*») [Verlinde 2010, 341].

2. Лексикография и e-Ассистенты «Дополненное письмо»: *Augmented Writing Assistants*

В процессе развития цифровых технологий и систем искусственного интеллекта наравне с ресурсами *дополненная реальность* развиваются процессоры класса *дополненная лингвистическая реальность*. Они воплощаются в настоящее время в целом ряде инновационных программ и приложений, которые объединяются уже устоявшимся в английском языке понятием *Augmented Writing* (AW), образованным по образу и подобию хорошо известного термина *Augmented Reality* (AR), которому в русском языке соответствует название *дополненная реальность*. «Дополненная» в том смысле, что обычные (исходно — перцептивные) возможности пользователя с их помощью дополняются возможностями цифровых технологий [Riabtseva 2016; 2017]. *Дополненная лингвистическая реальность* осно-

вана на приложениях / ресурсах типа *Writing Assistants* (WA, *Текстовый ассистент*) и способна обеспечивать значительное расширение лингвистических возможностей пользователя в процессе порождения (написания, перевода, редактирования и т. д.) текста на естественном языке, родном или иностранном. Главной задачей развития систем класса *дополненная лингвистическая реальность* — *Writing Assistants* (WA) и *Augmented Writing* (AW) выступает дальнейшее совершенствование их лингвистического обеспечения, которое, несмотря на его постоянную эволюцию, все еще оставляет желать лучшего в связи с тем, что автоматическая обработка естественного языка, ввиду чрезвычайной сложности его устройства, пока еще значительно ограничена всего несколькими возможностями, которые, правда, постепенно и постоянно расширяются, в первую очередь, благодаря совершенствованию технологий *Text Production Technologies* (TPT) («Lexicography has an important role to play in the development of new advanced Text Production Technologies and the lexicographic augmentation of AW could be an important step in the right direction») [Simonsen 2020, 513].

В настоящее время приложения класса WA и AW развиваются в следующих направлениях: 1) Приложения по проверке правописания и грамматики: *Spellcheckers* и *Grammar checkers*, например, *Grammarly* и *WhiteSmoke*. 2) Текстопорождающие приложения типа *TalktoTransformer* или *Articoolo*, позволяющие пользователю порождать текст на основе ключевых слов. 3) Приложения типа «L2 writing assistants», оказывающие помощь в порождении текста на иностранном языке, например, *Text Assistant* [Tarp et al. 2017]. 4) Приложения по проверке тональности типа *Persado* и *MessagePath*, интегрированные в рабочее место специалиста по редактированию рекламных, маркетинговых и т.п. текстов. 5) Приложения по анализу специальных текстов типа *Textio* [Marconi], помогающие анализировать тексты конкурсных заявлений о приеме на работу, составлять тексты объявлений о вакансиях и др. [Simonsen 2020, 509—514]. Первостепенную роль в развитии технологий WA и AW сыграли образовательные системы класса *Computer-Assisted Language Learning* (CALL). Их центральным компонентом являются технологии искусственного интеллекта

(ИИ), которые заимствуются в AW-технологии в виде алгоритмов порождения текста и автоматического исправления грамматических ошибок. В настоящее время *CALL-applications* развиваются в нескольких направлениях: *CELL* (Computer-Enhanced Language Learning), *TELL* (Technology-Enhanced Language Learning), *ICALL* (Intelligent Computer-Assisted Instruction), *NCALL* (Network based CALL) [Abel 2010: 3], *Web Assisted Language Learning* [WALL] и др. Активно разрабатываются также разнообразные экспертные приложения типа *Expert writing support* и соответствующие ресурсы общего, специального и узкого назначения. По способу обращения и по удобству использования они значительно превосходят традиционные бумажные словари и справочники. К ним относятся такие приложения как *Word Combinatory assistant*, *Automatic Lexical Error Detection*, *Lexical Error Correction assistant*, *Translation Memory tools (TMT)*, *Context-aware dictionaries*, *Web-based dictionaries*, *Process-oriented Writing support*, *Writing Aid*, *Text Assistant*, *Write Assistant*, [Write Assistant], *Wordfast* [Wordfast], *Computer-based Writing Instructions for text producers and learners*, *Augmented Writing Platform*, *Collaborative Writing*, *Common Business Writing Mistakes* и мн. др. [Banks 2019; Simonsen 2021]. Особые приложения класса *Augmented Writing* и *Writing Assistants* (AW и WA) разрабатываются также для различных специалистов-текстовиков (*text producers*): репортеров, обозревателей, журналистов, переводчиков и т. п., особенно работающих в коллективе или в команде (*Computer-supported Collaborative Writing*). Важное место они занимают в приложениях по обучению, развитию и практике научной речи на (иностранном) английском языке — *L2 Academic Writing Assistants*. Так, ресурсы типа *ColloCaid* оказывают поддержку в написании научных текстов на иностранном английском языке: «*ColloCaid is Writing Assistant designed to help English for Academic Purposes (EAP) writers with collocations*» [Frankenberg-Garcia et al. 2021].

Создаваемая таким образом *Дополненная лингвистическая реальность* класса *Augmented Writing* и *Writing Assistants* (AW и WA) позволяет пользователям более активно и свободно порождать тексты, используя автоматические подсказки самого разного типа — от правописания и грамматики до сочетаемости и терминологии. Так что современные

приложения типа (*L2*) *Writing Assistants* (WA), *Context-aware Dictionaries* и др. становятся все более популярными среди специалистов [Tarp et al. 2017; Tarp et al. 2019], особенно благодаря своей способности не просто предоставлять имеющуюся информацию, но еще и подсказывать, предсказывать или корректировать варианты развертывания текста. Их дальнейшее развитие, в свою очередь, влечет кардинальные преобразования в области лексикографии вообще и двуязычной лексикографии в частности — в виде их «переворачивания с ног на голову», «turning lexicography upside down» [Simonsen 2020, 512] и «turning *bilingual lexicography* upside down» [Tarp 2022, 67], благодаря созданию систем, способных выполнять *автоматическое лексикографирование*: разделять выполнение лексикографических задач между человеком и машиной, создавать лексикографические продукты нового типа — лексикографические базы данных, а также использовать технологии ИИ по оперированию знаниями [Schryver 2012, 130], тем самым активно продвигаясь в направлении DIKIW: *Data, Information, Knowledge, Intelligence, Wisdom* [Liew 2013].

Для этого необходимы сведения принципиально нового типа: знания о мире (*world knowledge*), реляционные знания (*relational knowledge*) и контекстуально связанная лексикографическая информация (*curated lexicographic data*) [Simonsen 2020, 512]. Поскольку современные технологии AW и WA пока недостаточно учитывают контекст, то именно автоматический сбор соответствующих контекстуальных данных может предоставить необходимую для этого лексикографическую информацию в виде знаний о мире и реляционных знаний. Они размещаются в специальном лексикографическом корпусе, обращение к которому осуществляется при автоматическом поиске текстовых ресурсов, содержащих нужную информацию и соответствующий ей контекст. Для получения более качественного результата по использованию контекстуальным и лексикографическим образом представленных знаний о мире, в системы AW и WA вводится специальное вспомогательное окно для пост-редактирования выходного текста («*an auxiliary post-editing window providing help in post-editing the output text*») [Simonsen 2020, 513].

Получаемая таким образом лексикографическая аугментация технологий AW и WA достигается путем разделения труда между машиной и редактором, разграничения понятий «данные — информация — знания — интеллект» («data, information, knowledge and intelligence»), а также использования *Открытой III-модели понимания естественного языка (OpenAI's Natural Language Understanding (NLU) model)* [OpenAi 2019], которая была разработана на большом массиве текстов и хорошо зарекомендовала себя в алгоритмах предсказания развертывания текста [Simonsen 2020]. На данный момент важнейшим средством повышения качества лексикографических баз данных является их пополнение за счет обработки интернет-текстов WebText большого объема (*a dataset of millions of webpages*). Отмечается также, что лексикография может способствовать повышению качества приложений AW и WA именно за счет концентрированного лексикографического контекстуального представления знаний о мире. При этом предлагается часть работы переложить на автоматическое получение и представление информации [Colson 2019]. Построение таким образом алгоритмов лексикографического продвижения технологий класса AW и WA и создание систем автоматического (искусственного) лексикографирования (*e-Lexicographer, Artificial Lexicographer*) может значительно повысить их качество [Simonsen 2020, 513; Tarp 2022, 66].

Таким образом, развивающиеся технологии AW и WA стимулируют дальнейшее совершенствование лексикографических принципов представления лингвистической и экстралингвистической информации и знаний, вызывая симбиоз цифровых технологий и лингвистики и способствуя созданию лексикографических ресурсов нового типа — лексикографических баз данных, а также интегральных и инкорпорированных словарей [Simonsen 2021; Tarp 2022].

3. Отличие словаря от лексикографической базы данных. Интегральные и инкорпорированные словари

Основным средством представления лексикографической информации в традиционном бумажном словаре является словарная статья, которая имеет свою организацию, последовательность и логику представления информации, особо структурированное содержание, дополнительный аппарат: ссылки, сокращения, обозначения и т.п. Основным способом обращения к словарной статье выступает знакомство с ее содержанием и (сплошной) поиск в ней нужной (запрашиваемой) лингвистической информации: значение слова, производные, сочетаемость, устойчивые словосочетания, перевод на другой язык, способы написания и т.п. Основным средством предоставления лексикографической информации в цифровых информационных ресурсах является всплывающее окно, которое появляется, когда пользователь выделил элемент текста, который, например, ему нужно перевести на другой (родной или иностранный) язык.

Всплывающее окно не может содержать всю лексикографическую информацию, относящуюся к выделенному слову. Есть несколько вариантов ее сокращения: давать только самую главную, основную и наиболее часто требующуюся, т. е. первостепенную по значимости информацию; дать сокращенный вариант каждого пункта словарной статьи; т.е. представить реферат словарной статьи и т. п. Так, известный лексикограф С. Тарп в свое время подчеркивал, что современный высоко операциональный лексикографический онлайн-справочник должен представлять собой поисковый инструмент, обеспечивающий онлайн-поиск по лексической базе данных и интернету — *leximat*. Его задачей является предоставление лексикографической информации в зависимости от запроса пользователя (*«high-performance lexicographic reference tool should be a kind of search engine enabling queries on a lexical database or on the web. This tool, called leximat, should allow any user with a particular communicative or cognitive need to access lexicographic data»*) [Tarp 2008, 123].

Современные лексикографы создают не только и не столько словари, сколько лексикографические базы данных, которые контекстно, коммуникативно (стилистически) и когнитивно связаны, и могут быть использованы для создания и совершенствования как традиционных и электронных словарей, так и высокотехнологичных лингвистических

приложений. В результате влияние современных цифровых технологий на лексикографическую практику носит кардинальный характер и преобразует ее всю до основания: бумажные словари преобразуются в цифровые интерактивные многофункциональные лексикографические базы данных [Pajzs 2009], обращение к словарной информации проходит без выхода из основного рода коммуникативной деятельности, а предъявление лексикографической информации все более ориентируется на контекстуально-связанное и когнитивно-ориентированное представление. В результате происходящие в лексикографии фундаментальные преобразования ставят перед разработчиками лексикографического обеспечения различных лингвистических процессоров принципиально новые научные, лингвистические, лексикографические, коммуникативные и когнитивные задачи. Главные из них — обеспечить наличие в системе как можно более полного, можно сказать, максимального объема лингвистической информации — с одной стороны, и обеспечить ее организацию таким образом, чтобы на любой запрос пользователя выдавался максимально сокращенный, минимальный вариант, причем максимально релевантной для данного случая информации.

В настоящее время электронные словари и лексикографические базы данных делятся на ориентированные на человека или машину (*human-oriented vs. machine-oriented*), ориентированные на тип использующего его приложения: предназначенные преимущественно или опосредованно для приложений класса CALL, AW и WA, а также «лексикографически ориентированные» (*primarily vs. secondarily CALL-, AW-, WA-oriented or lexicography-oriented applications*). Кроме того, все типы словарей могут совмещать в себе содержание и функции друг друга и тем самым становятся многофункциональными («This can be interpreted as *a new facet of the multifunctionality of a dictionary*») (Abel 2010, 6; Kilgarriff 2009; Simonsen 2021) и интегральными [Huang, Tarp 2021, 69]. Современные цифровые технологии развиваются стремительно и предъявляют все новые требования к лингвистическому обеспечению, в первую очередь, лексикографического типа. В настоящий мо-

мент соответствующая тенденция может быть охарактеризована как тройственное преобразование автономных словарей, печатных и онлайн, в интегральные, стандартизованных — в более персонифицированные, а собственно словари преобразуются в лексикографические базы данных для различных целей (the overall transition can be further specified as a triple transformation from the traditional stand-alone dictionary, either printed or online, to the integrated dictionary; from the standardized dictionary to a more personalized dictionary; and from the dictionary as such to lexicographic data for different uses») [Huang, Tarp 2021, 69]. Так, интеграция словарей в цифровые продукты *E-readers*, *Writing Assistants*, *Translation Tools*, *Learning Apps* описана в [Tarp et al. 2017; Loewen et al. 2019].

В зависимости от режима обращения словари могут быть встроенными (*embedded*), обращение к которым требует выхода из программы, и инкорпорированными / интегрированными (*integrated*), не требующими выхода (that are *activated by clicking on a word in the course text*). Последние более перспективны, поскольку способны реагировать на текущие индивидуальные (*personalized*) потребности пользователя. Если встроенные словари не «понимают», какую именно информацию пользователь запрашивает, то инкорпорированные, напротив, обладают свойством контекстуальности (*context-aware*), т. е. «понимают», какое значение слова из запрашиваемых является релевантным в данном контексте [Huang, Tarp 2021, 71—74]. Таким образом, преимущества инкорпорированных словарей заключаются в их персонифицированности, эффективности и оперативности, а их качество зависит от объема содержащейся в них лексикографической базы данных, а также от дизайна пользовательского интерфейса.

Лексикографическая база данных и интерфейс тесно между собой связаны. Если один из них работает плохо, то пользователь в любом случае останется недоволен работой приложения. Так, наибольшие проблемы вызывает подача информации по следующим вопросам: выбор словарной единицы (*lemma selection*): слово, словосочетание, сложное слово (*single words, multiword units, compound words*), подача многозначных слов (*treatment of polysemous words*), описание грамматических категорий; переводные эквиваленты

(*translation equivalents*); наличие избыточной информации (*data overload*) или отсутствие необходимой (*data underload*); позиция всплывающего окна (*position of the pop-up window*). Самым сложным вопросом для современных приложений является подача словосочетаний, для которых пока еще не выработан последовательный и дружественный алгоритм предъявления [Huang, Tarp 2021, 77]. При этом часто неудовлетворительная работа лексикографической базы данных объясняется низким качеством лексикографического описания именно словосочетаний разных типов и видов и способов обращения к ним (*a low database quality originating from a poor compilation or storage of the lexicographic data that are presented in the pop-up window on demand*) [Huang, Tarp 2021, 78]. Лексикографическая база данных может содержать излишнюю информацию, но может и не содержать необходимую (*data overload and data underload* [Huang, Tarp 2021, 88], давать устаревшие или неточные дефиниции (*inadequate definitions and old-fashioned features*), неточные или неправильные переводы и др. В результате компьютерные словари могут не только способствовать усвоению материала, но и препятствовать этому разными «способами» (*All these problems show that the dictionaries not only assist the learners with lexicographic data. They also create all sorts of obstacles*) [Huang, Tarp 2021, 86]. Так, инкорпорированные словари часто оказываются или недостаточно полными, или содержащими излишне подробную информацию. Не все лексические единицы, которые встречаются в текстах обучающего приложения, в нем содержатся, так же как и не все необходимые словосочетания. Значения многозначного слова могут быть представлены не в полном объеме, или доступ к ним затруднен из-за перегрузки системы избыточной информацией. Соответствующие недостатки должны быть устранены в рабочем порядке, поэтому основным требованием к инкорпорированным словарям является их динамичный характер — постоянное обновление и улучшение.

Популярность цифровых приложений по обучению иностранному языку активно растет во всем мире. Обычно они содержат инкорпорированные одноязычные и двуязычные словари. Их основным недостатком пока является недостаточно полное описание лек-

сики вообще и многозначных слов и устойчивых словосочетаний в частности. Их совершенствование, как считают специалисты, может быть основано на «контекстуальном подходе» к лексикографическому представлению соответствующих явлений (*context-adapted approach*), точнее, содержания всплывающих в процессе чтения или написания текста окон. Как уже отмечалось, в настоящее время они или содержат избыточную информацию, или недостаточную. И в том, и в другом случае пользователь ставится в затруднительное положение. Выход из него заключается в том, что всплывающее в процессе работы пользователя окно с подсказкой должно содержать перечень вариантов для дальнейшего поиска, а не всю соответствующую запросу, часто избыточную, информацию. [Fuertes-Olivera, Tarp 2014, 64; 2020]. (The ideal online dictionary should contain “as much data as possible in terms of all possible consultations”, whereas its individual articles “should include as little data as possible” to avoid information overload. From this perspective, a personalized service requires that the dictionary only presents the exact “types and amount of data”, which the individual user needs in each consultation, “neither more nor less”) [Fuertes-Olivera, Tarp 2014, 64]. Эти и смежные задачи специалисты пытаются решить с помощью принципиально новых лингвистических технологий обработки естественного языка — создания лингвистических процессоров класса e-Lexicographer (Artificial Lexicographer).

4. Электронный лексикограф *Artificial Lexicographer*: задачи и перспективы

Технологическая революция в индустрии производства и использования знаний, вызванная стремительным развитием цифровых технологий и их применением в системах класса *искусственный интеллект*, особенно связанных с обработкой естественного языка, вызывает, в свою очередь, кардинальные изменения почти во всех областях знаний и обработки информации, а такая область, как лексикография преобразуется в производящую информацию благодаря развитию интеллектуальных систем под названием *Artificial Lexicographer* (e-Lexicographer).

Современные цифровые лингвистические технологии класса *искусственный интеллект*, типа машинного перевода (МП), *Machine-aided Translation*, *Write Assistant* (WA),

Augmented Writing (AW) и т. п., развиваются ускоренными темпами и воздействуют на принципы функционирования лингвистического обеспечения: требуют его постоянного обновления и развития, причем сразу в нескольких направлениях [Tarp 2019]. При этом наиболее активные трансформации в принципах и способах представления лингвистической информации происходят в лексикографии. Так, традиционная, бумажная лексикография представляет свои результаты в виде традиционных словарей, в которых, как правило, словарная статья одного слова, последовательно описывающая все его, скажем, 10 или 15 значений, может занимать четыре печатных страницы и более. Компьютерная лексикография, напротив, вынуждена подавать свою информацию не последовательно и полно, а так, чтобы она отвечала на стоящий в данный момент перед пользователем вопрос. Например, при последовательном переводе на английский язык (с любого другого языка) фразы «Он попросил меня закрыть (дверь)» автоматическая система может предложить в качестве эквивалента «закрыть» следующие варианты (в специальном окне — *in the suggestion window*): *close, shut, lock, seal* и др. Если пользователь не знает последнего слова, то он обращается за консультацией — кликает на это слово и тем самым активирует консультативное окно (*activates the consultation window*). Принципы организации информации в данном окне представляют собой наибольшую сложность при моделировании потребностей пользователя, который не будет читать словарную статью в несколько десятков строк, как в бумажном словаре. Поэтому здесь должен действовать принцип «первой выдается наиболее релевантная информация в данной ситуации» (*The most relevant data are provided first*). Для ее определения необходимы специальные исследования потребностей пользователей конкретными лингвистическими ресурсами.

В результате происходящих в компьютерной лексикографии кардинальных преобразований в формулировке задач и проблем в ней развивается капитальная революция лексикографических основ (*a total revolution of the lexicographic discipline in all its major dimensions*) [Tarp 2019, 229]. Она проявляется, в том числе, и в экономическом отношении:

если спрос на традиционные бумажные словари значительно снизился, вызвав нерентабельность их выпуска и обновления, то спрос на (бесплатные) цифровые лексикографические ресурсы резко увеличился, вызвав потребность в их коренной перестройке, особенно для стремительно развивающихся приложений класса *искусственный интеллект*. На данном этапе возникла, как уже указывалось, самая революционная цифровая идея в области лингвистического лексикографического обеспечения подобных интеллектуальных ресурсов — создание процессора под названием *Artificial Lexicographer*, по образу и подобию систем *искусственный интеллект* (Artificial Intelligence). В отличие от человека-лексикографа (*human lexicographer*), искусственный лексикограф («*artificial lexicographer*») не предлагает прочитать всю словарную статью к данному слову, а выбирает наиболее вероятный и нужный в данный момент вариант лексикографической информации и помещает его в окно *Подсказка*.

5. Инновации в лексикографии: цифровизация лексикографических подсказок и разработка процессоров *Lexicographic Assistants*

Использование современных технологий в лексикографической практике позволило значительно повысить качество, объем, содержание, возможности и даже цели современных электронных словарей. В настоящее время происходит их переориентация из лексикографических продуктов в лексикографические службы, платформы, инструменты и т. д. (*developing lexicographic services instead of lexicographic products* [Fuertes-Olivera 2019, 25], *as well as platforms, tools, etc.* [Tarp 2019, 231]. Их дальнейшее качественное развитие требует взаимодействия специалистов разных направлений, как гуманитарных, так и технических. Основными направлениями развития онлайн-лексикографии становятся качественная с профессиональной точки зрения интеграция различных лексикографических источников в единое целое и как можно более точная ориентация на пользователя. «Время домашних баз данных закончилось» (*The days with homemade databases are long over*) [Tarp 2019, 232], нужны конкурентоспособные услуги и службы, а также их индустриализация [Fuertes-Olivera 2019].

Со стороны собственно лексикографии осуществляется переход от статичности традиционных словарей к динамике словарей электронных, от неопределенного пользователя к ориентации на пользователя и адаптации к его задачам, от неизменного вида лексикографической информации к изменяемому. Плюс еще введение гиперссылок, различных режимов просмотра содержания, его визуализации и т. п. (The former *static lexicographic structure* has increasingly been replaced by a *dynamic structure that adapts to different user needs in different types of consultation*. This implies that *the amount and organisation of the displayed lexicographic data are fluctuating*. And to this should be added that many dictionary articles have been broken up and require clicks, scrolling down and other *techniques to be visualized in their totality* [Tarp 2019, 233]. Создаваемые таким образом лексикографические ассистенты (*Lexicographic Assistants*) становятся доступными на любых электронных устройствах и в различных лингвистических приложениях. Главное, что принципы организации лексикографической информации в них значительно отличаются от традиционных. Так, лексикографическое обеспечение систем типа *Write Assistant (WA)* и *Augmented Writing (AW)* значительно отличается от обычного, словарного оформления, в котором, с одной стороны, много лишнего (на данном шаге его использования), а с другой — нет принципиально важного, того, что нужно онлайн-пользователю в данный момент времени. И несмотря на то, что электронные словари чаще всего составляются с использованием лингвистической информации, импортированной из нескольких разных словарей — обычно от двух до шести — их все равно оказывается недостаточно для выполнения текущей задачи [Fuertes-Olivera et al. 2018]. Поэтому, несмотря на возможность интеграции в одном онлайн-словаре информации из различных источников, необходимы сведения о том, какую именно информацию хочет получить пользователь на конкретном шаге использования «умной» системы.

Важнейшей задачей в создании интеллектуальных систем класса *дополненное письмо*, типа WA и AW, выступает выбор способа подачи материала: как выбрать из четырех страниц текста словарной статьи, содержащей описание одной лексикографической единицы, именно ту информацию, которая нужна пользователю сейчас и которую следует

поместить первой в окно *Подсказка* на данном этапе? Как определить ее релевантность в данном контексте? Первым шагом на данном пути выступает максимальное редуцирование лексикографической информации, выдаваемой на первом шаге поддержки, до подсказки в одну строку (*short one-line definitions*), и ее расширение, если необходима дальнейшая помощь, на втором шаге и тем самым разделением обязанностей между окном-подсказкой (*suggestion window*) и окном-консультантом (*consultation window*) [Bothma, Tarp 2014; Tarp 2019, 242]. Следующим этапом является контекстуализация и персонализация лексикографической информации [Tarp, Gouws 2019]. Она производится посредством установления отношения пользователей к принципам представления информации в окне-подсказке и окне-консультанте и (*a test-driven development of the lexicographic product*).

Новые задачи, которые ставят перед лексикографией новые технологии, в частности, в виде систем дополненного письма, не могут быть решены традиционными лексикографическими методами анализа потребностей пользователя. Основным способом их решения выступают сами цифровые технологии, которые способны фиксировать действия пользователя и его информационные потребности. В результате лексикографы, всегда занимавшиеся составлением словарей, в настоящее время поняли, что теперь, в связи с развитием цифровых технологий, их практическая деятельность принципиально изменяется [Tarp 2019, 231]. Если на заре своего рождения лексикография создала два принципиально новых аппарата описания языка — словарную статью и словарный формат — алфавитную организацию словарных статей, то в настоящее время возникли принципиально новые цифровые формы презентации лексикографических продуктов (*new digital forms of presentation of the lexicographic products*). Словарь перестал быть последовательностью словарных статей, а словарные статьи предъявляются пользователю не в обычном последовательном, статичном и полном виде, а динамично и направленно, в зависимости от запроса пользователя. Происходит естественная и необходимая адаптация лексикографических данных к новому цифровому пространству (*a natural and necessary lexicographic adaptation to the new digital environment*) [Tarp 2019, 231].

Главные особенности этого пространства заключаются в том, что пользователи, активно используя различные гаджеты для личной, профессиональной и другой коммуникативной деятельности (переписки, составления документов и других текстов, их перевода и т. д.), нуждаются в орфографической, межъязыковой и др. поддержке, желательно в виде онлайн-подсказок. Они обычно размещаются в специальном окне и автоматически генерируются встроенной в ресурс моделью языка и соответствующим лингвистическим обеспечением (*suggestions, generated automatically by the language model*). Кроме того, соответствующий ресурс, типа WA и AW, может подсказывать иноязычные эквиваленты, которые извлекаются из лексикографической базы данных (*lexicographic database*) или веб—словарей (*web-based dictionaries*). Возможны еще и другие виды лингвистических подсказок, рекомендаций и контекстуальных предложений. Заполнение соответствующих окон, подразумевающих различные виды лингвистической/лексикографической информации, частично может быть генерировано автоматически/алгоритмически, особенно относительно лексических и грамматических контекстов. Так, задача по упорядочению приоритетов в очередности подачи рекомендованных вариантов продолжения текста или его перевода в зависимости от контекста (*words listed in a prioritized, context-aware order*) вполне может оказаться под силу лингвистическому процессору класса Artificial Lexicographer и Lexicographic Assistant [Tarp 2019, 236].

Исходный вопрос при этом заключается в том, чтобы точно определить, какого рода лингвистическую информацию Artificial Lexicographer и Lexicographic Assistant может дать по умолчанию и по запросу, и каким образом ее лучше представить количественно и качественно в соответствующем пользовательском окне (*without data overload and in no user-unfriendly way*) и в каком порядке [Tarp 2019, 238]. Важным операциональным принципом при этом выступает возможность предоставления последующей информации (*additional lexicographic data*) посредством метатекстовых комментариев/гиперссылок типа «синонимы», «словосочетания» и т.п. (*with metatexts for further access: synonyms, collocations, etc.*). Такая контекстуализация лексикографической информации происходит

в процессе апробирования различных итеративных форматов представления данных пользователю (*the use of iterative processes with test-driven development (TDD)*). Автоматическое отслеживание обращений пользователя к различным видам лексикографической информации (*lexicographic user research*) позволяет определить пользовательские приоритеты и оперативно вносить коррективы в порядок предоставления различных подсказок в соответствующий процессор Artificial Lexicographer и Lexicographic Assistant [Tarp 2019, 240—244].

Опыт функционирования приложений WA, AW и т. п. в целом показывает, что трансформация лексикографических принципов представления информации за счет разработки процедур искусственного (автоматического) лексикографирования Artificial Lexicographer и Lexicographic Assistant требует от лексикографов решения принципиально новых лексикографических задач: создание новых подходов к выявлению релевантной лингвистической информации в зависимости от текущих задач использующего данное приложение пользователя. Это, в свою очередь, предполагает совершенствование (и сжатие) традиционных словарных толкований у значений многозначных слов, их эксплицитную контекстуализацию, а также ориентацию на кластерное порождение текста на родном и иностранном языке, использование при этом принципов машинного перевода и многое другое [Tarp et al. 2017, 494—521; Fuertes-Olivera et al. 2018, 152—176; Tarp et al. 2019, 250—268; Tarp 2019, 224—249; Huang, Tarp 2021, 68—92; Tarp 2022, 66—87].

6. Кластеризация дискурса и проблемы идиоматики

Проблеме кластеризации дискурса и выделению устойчивых оборотов и словосочетаний, их переводу и т. п., посвящена огромная специальная лингвистическая литература (включая словари, онлайн ресурсы и учебники): в связи с преподаванием английского как иностранного, в связи с ярко выраженной идиоматичностью иноязычных оборотов и словосочетаний, а также по причине невозможности их пословного перевода с одного языка на другой и т. д. (подробнее см. [Рябцева 2019; 2021a; 2021б; Riabtseva 2020]).

В статье [Chen 2022], посвященной обучению поиска словосочетаний в словаре английского языка и их переводу на родной язык (и наоборот), подчеркивается, что обучение использованию устойчивых словосочетаний на иностранном, английском, языке — это сложный и долгий процесс, что использование устойчивых словосочетаний на иностранном языке вызывает большие трудности у учащихся, а изучение эффективности различных способов обучения идиоматике: словарный, текстовый и другие, показывает необходимость их сочетания, при том что словари словосочетаний должны постоянно обновляться, размещаться онлайн и совершенствовать аппарат обращения к ним и расширяться за счет корпусных материалов и примеров [Chen 2022, 1—30]. В самой статье [Chen 2022] используется множество специальных устойчивых словосочетаний: *dictionary lookup behaviour, dictionary use instruction, trained dictionary users, task-based dictionary training, a product-based approach, a multiple case study approach, a five-step dictionary training session, collocation dictionary skills development, Japanese learners' Collocation Dictionary retrieval performance, user-friendly search routes, a special-purpose Dictionary of Collocations, an increasing number of dictionary-based collocation studies, overshadowing the non-reportable perceptual and memory processes* и т. п. При этом также отмечается, что онлайн словари имеют свои недостатки: высвечивают слишком много (дополнительной) информации (*Long entries pose problems for many dictionary users*), которая отвлекает пользователя и затрудняет поиск нужных слов и выражений (*The design of search routes should be more user-friendly*) [Chen 2022, 26]. Тем не менее, онлайн словари оказываются самыми удобными в использовании, особенно если учащиеся получают навыки обращения к ним (*With e-dictionaries gaining popularity, the dictionary use instruction should be based on the consultation habits and reference needs of e-dictionary users* [Chen 2022, 2—27]).

В межъязыковом отношении наиболее актуальной задачей повышения качества научной коммуникации за счет передовых цифровых технологий выступает создание лексикографических ресурсов по переводу с родного языка на английский и с английского языка на родной язык терминологических словосочетаний, отражающих современное

стремительное технологическое развитие почти всех научных дисциплин, включая саму лингвистику, лексикографию и научную коммуникацию в целом.

7. Словари терминологических словосочетаний: терминологическая кластеризация научного дискурса в межъязыковом аспекте

Современная лингвистическая терминология развивается стремительно под воздействием, в первую очередь, цифровых технологий, позволяющих активно и в бесконечно большом объеме обрабатывать значительное количество разнообразной лингвистической и экстралингвистической информации и тем самым не только развиваться самой, но и развивать сами эти технологии. Результаты этих процессов ярко проявляются в терминологии, которая становится многокомпонентной, развернутой и в то же время компактной, сжатой (*compressed*), динамичной, активной, контекстуальной, междисциплинарной и инновационной по форме и содержанию. При этом ведущие специалисты подчеркивают, что в настоящее время двуязычная лексикография, особенно в области терминологии, а также в области инноваций в терминологии и даже в форме онлайн, значительно отстает от постоянно растущих потребностей в качественных терминологических ресурсах, как со стороны переводчика-человека, так и искусственных приложений класса CALL, WA и AW и др. (*Contemporary terminological resources... have considerable importance for translators and should meet their requirements as far as possible. Unfortunately, these resources are frequently of poor quality and do not adequately satisfy their needs*) [Durán-Muñoz 2010, 55—66; Fuertes-Olivera, Esandi-Baztan 2020].

В настоящее время важнейшей задачей в области терминографии выступает также интеграция терминологических ресурсов в лексикографические порталы (ср. *Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals*) [Fuertes-Olivera, Esandi-Baztan 2020]. В этом отношении необходима унификация представления терминографической информации, ее систематизация и интеграция, а также конвергенция с лексикографией (*convergence of terminology and lexicography*). Необходима также типология лексикографического описания словарных единиц, которая позволит сделать процесс формирования лексикографического

портала более легким, простым, унифицированным, системным и автоматизированным (*to make the process of compilation easier, more uniform, and more readily systematized*) [Fuentes-Olivera, Esandi-Baztan 2020, 93].

Одной из важнейших лингвистических задач в области цифровой терминографии в настоящее время выступает разносторонняя терминологическая поддержка межъязыковой научной коммуникации: разработка двуязычных терминологических динамических ресурсов, порталов и т. д., а также унификация лексикографического представления терминографической информации в них в связи с тем, что современная научная терминология носит многокомпонентный характер и включает в свой состав преимущественно развернутые терминологические словосочетания-кластеры. Их перевод с родного языка на английский и с английского языка на родной составляет большую коммуникативную и лексикографическую проблему по целому ряду причин. Главная из них это активное появление и использование терминов-неологизмов — новых специальных понятий уточняющего и потому многокомпонентного характера, которых пока нет даже в онлайн словарях и перевод которых с английского языка на родной и обратно представляет большие трудности [Gouws 2016; Riabtseva 2022]. Так, Яндекс Переводчик перевел с английского языка на русский довольно простое словосочетание — название статьи «Collocation, Colligation and Encoding Dictionaries» [Siepmann 2006] следующим образом: *«Словари *коллокации*, *Сопоставления* и кодирования». В данном переводе курсивом выделены ошибки: сущ. *коллокации* должно стоять во мн. ч., сущ. *Сопоставления* переведено некорректно и стоит в грамматически и орфографически неправильной форме. Подобные квази-переводы с разного рода стилистическими, грамматическими, орфографическими и др. погрешностями и ошибками порождают квази-научный текст, засоренный языковыми аномалиями. Большинство автоматических онлайн-переводчиков делают подобные малые и большие ошибки в переводе именно самых важных в научной коммуникации компонентов речи — развернутых терминологических словосочетаний, поскольку действуют обычно на основе

пословного перевода, без учета контекста, тематики, грамматической нормы, лингвоспецифических синтаксических правил и т.д.

8. Активные модели и структуры терминологических словосочетаний-кластеров в английском языке и проблемы перевода

Наиболее активными, продуктивными, частотными и аутентичными моделями построения многокомпонентных терминологических словосочетаний-кластеров (*multi-word terminological expressions / collocations / clusters*) в современных лингвистических исследованиях на английском языке являются следующие, каждая из которых допускает дальнейшее расширение дополнительными атрибутивными (Adj), номинативными (N), глагольными (V), адвербиальными (Adv), нумеративными (Num) и другими компонентами (в частности, сокращениями):

1) N-*Ved* (N):

N-*based* (N): *usage-based* (technology), *games-based* (grammar teaching), *IT-based* (grammar learning), a *product-based* approach, *web-based* dictionaries, *web-based* error interface, *web-based* management, (customizable) *web-based* (lexicographic) tool, *web-based* (dictionary management) system for bilingual dictionaries; a (free) *web-based* learning environment for French vocabulary, an intelligent *server-based* tutoring system (for mobile devices), (to provide) a *concordance-based* viewing perspective, (an increasing number of) *dictionary-based* collocation studies;

N/*Adv-driven* (N): *technology-driven* (approach), *innovation-driven* growth, in a (basically) *technology-driven* way, *corpus-driven* lexicography, *AI-driven* decision making, a *pedagogically-driven* search tool (for querying corpora), a *test-driven* development of lexicographic products, (the use of iterative processes with) *test-driven* development, a *pedagogy-driven* design for online language teaching and learning, commercially *driven* integrated dictionary portals, commercially-*driven* language tools constructing;

N-*assisted* (N): *computer assisted* (pronunciation training); a *lexicography-assisted* writing;

N-oriented (N): goal-oriented (language courseware design), meaning-oriented classification of collocations; process-oriented writing support with the digital Writing Aid;

N-supported (N): web-supported (language learning), computer-supported collaborative writing;

N-adapted (N): context-adapted (approach);

N-challenged (N): auditory challenged (learners);

N-delivered (N): (a suite of) internet-delivered (diagnostic) tests;

N-derived (N): corpus-derived (evidence);

N-directed (N): self-directed (L2 vocabulary) learning;

N-enhanced (N): technology-enhanced (language learning);

N-generated (N): user-generated (activity);

N-informed (N): corpus-informed research;

N/Adv-interested (N): (cooperation between) technology-interested linguists and pedagogically-interested linguists;

N-mediated (N): computer-mediated (communication);

N-tagged (N): error-tagged (learner corpora);

N-ed N: networked (intercultural) language study;

2) N-Adj (N):

N-specific (N): subject-specific (terminology), discipline-specific corpora;

N-independent (N): platform-independent (tools), technology-independent content structuring, a language-independent system (for parsing unrestricted text);

N-efficient (N): time-efficient (method), a space-efficient data structure, cost-efficient production (of content for different medias and target audiences);

N-adaptive (N): computer-adaptive (language testing), computer-adaptive tests (of reading);

N-aware (N): context-aware (dictionaries), context-aware order, (words listed in) a prioritized, context-aware order;

3) Adj-N (N):

cross-N (N): cross-language (approach); a cross-platform (ubiquitous language learning) service (via mobile phone and interactive television);

high-N (N): high-performance (lexicographic reference) tool;

4) N-Adv (N):

user-friendly (interface), user-friendly search routes, in (no) user-unfriendly way;

5) Num-N N: (short) *one-line* definitions;

6) Adj-Adj (N): *well-defined* (learner populations);

7) Adv-N N: *up-market* reference tools, *up-market* online resources;

8) Adv-to-V N: *easy-to-consult* interfaces.

Подобные новые, особенно развернутые, терминологические словосочетания-коллокации указанных типов и видов специального (как правило, междисциплинарного) и потому терминологического характера: 1) часто отсутствуют в общих и специальных словарях; 2) различными автоматическими переводчиками (Google Translate, Reverso, Яндекс Переводчик и другими) переводятся по-разному, преимущественно пословно; 3) их автоматический перевод или неточен, или нетерминологичен; 4) их способность втягивать в свой состав различные уточняющие компоненты контекстологического характера значительно затрудняет их перевод с английского языка на родной и делает их порождение на иностранном английском языке почти невозможным; 5) соответствующие двуязычные автоматические ресурсы пока слабо ориентированы на распознавание и перевод терминологических словосочетаний, особенно контекстуального характера, когда в составной термин включается два и более контекстуально и в смысловом отношении связанных с ним понятия, ср. *a commercially driven language tool, dynamic access structures with different access possibilities, broadening the customer base of online dictionaries, additional lexicographic data with metatexts for further access*, etc. Так, естественное для специального текста на англий-

ском языке выражение *a commercially driven language tool* автоматическими переводчиками переводится на русский как ?«коммерческий языковой инструмент», т. е. выражением, которое не используется в специальных текстах на русском языке.

Между тем способность к активной контекстуализации современной терминологии в английском языке является ее принципиально важным свойством. Она позволяет включать в состав термина большое количество дополнительных, уточняющих, конкретизирующих и т. п. компонентов, например: (to develop) *a pedagogically-driven search tool for querying corpora (in such a way that allows) language teachers to access corpora from their teaching perspectives and experiences* [Granger 2007, с. 69], а также объединяться с аналогичными терминологическими конструкциями в единое целое, ср.: *new digital forms of presentation of the lexicographic products; a natural and necessary lexicographic adaptation to the new digital environment*; см. выделенные курсивом ИГ: *Long entries pose problems for many dictionary users; With e-dictionaries gaining popularity, the dictionary use instruction should be based on the consultation habits and reference needs of e-dictionary users; The design of search routes should be more user-friendly* [Chen 2022, 26—27]; *High-performance lexicographic reference tool should be a kind of search engine enabling queries on a lexical database or on the web* [Tarp 2008, 123].

Важнейшим свойством в организации терминологии выступает также ее стремление к симметрии: *primarily vs secondarily CALL-oriented or lexicography-oriented applications*; «*human-oriented vs. machine-oriented tools/ applications («lexicons»)* [Abel 2010, 6]; *Involvement Load Hypothesis vs. Cognitive Load Theory* [Chen 2022]. Еще одним весьма характерным и показательным свойством современной терминологии на английском языке в виде развернутых терминологических словосочетаний-кластеров является их активное использование в названиях научных публикаций, например: *A Logic Based Implementation of Head-Driven Phrase Structure Grammar* [Popowich, Vogel 1991]; *Evolving approaches to Web-supported language learning: From platforms to platform-independent tools* [Wible 2007]; *L2*

Writing Assistants and Context-Aware Dictionaries: New Challenges to Lexicography [Tarp et al. 2017].

Главной проблемой в переводе развернутых терминологических словосочетаний (терминологических кластеров) с английского языка на русский выступает их фразеологизированный и идиоматичный характер, связанный с их межъязыковой асимметрией: отсутствием в русском языке аналогичных лексико-синтаксических конструкций. Это в свою очередь предопределяет невозможность их пословного перевода, который составляет основу всех видов автоматического (машинного) перевода (МП). Современные системы МП, правда, стремительно эволюционируют и способны решать переводческие задачи не алгоритмически, а лексикографически, включая в свои лексикографические базы данных все возможные и разнообразные обороты, выражения, конструкции и «кластеры» целиком, равно как и их межъязыковые эквиваленты. Однако сама современная терминология развивается так быстро и динамично, что словари не успевают ее фиксировать. Кроме того, способность терминологических словосочетаний контекстуализироваться — включать в свой состав дополнительные контекстно связанные уточняющие специальные понятия исключает их полное перечисление в словаре, например: *Some projects mainly re-use already existing lexicographic data in a basically technology-driven way without explicitly applying any specific lexicographic approach* [Granger 2007, 61]; *This is a corpus-based approach to writing definitions taking into account thematic variation in the selection of information* [IJL—2022].

В результате видно, что нужны более явные и адекватные правила перевода развернутых терминологических словосочетаний на иностранный английский и на родной русский язык. Исходным моментом тут выступает исчисление их структурных типов в английском языке, их разбиение на автономные ядерные коллокации, задание порождающих моделей их развертывания и сворачивания и др. Так, по своей структуре многокомпонентные именные терминологические словосочетания английского языка можно разделить на следующие типы: 1) составные (двусоставные) именные группы (ИГ) вида N+N и ИГ, состоящие из трех и более именных компонентов вида (ADJ+)N+N(+N): *language learning*,

target audiences, speech recognition, learner corpora, user research; online resources, suggestion window, consultation window, dictionary compilation, dictionary lookup behaviour, definition writing guidelines, web database applications, multiple access routes, (digital bilingual) lexicographic products design, an online dictionary writing system; 2) сложные (двухсоставные ИГ с пассивным причастием) вида N+V-ed: *mobile-assisted, user-generated, user-oriented, NLP based;* 3) сложно-составные (трех- и четырех компонентные, один из которых пассивное причастие) вида N+V-ed+N(+N): *a logic—based implementation, user-generated activity, mobile assisted language learning,* 4) усложненные (четыре—пять компонентные) вида N+V-ed+N+N(+N): *head-driven phrase structure grammar, computer-mediated communication for language learning, avenues for future learner-corpus-informed research;* 5) комбинированные (два и более составных компонента в виде ИГ): *cost-efficient production of content for different medias and target audiences, user-oriented NLP-based teaching platform; computer assisted pronunciation training applications using automatic speech recognition; a cross-platform ubiquitous language learning service via mobile phone and interactive television.*

Основным принципом порождения соответствующих переводов при этом выступает учет перевода предшествующего (более простого типа) словосочетания при переводе словосочетания более сложного типа, в противном случае системность и последовательность в организации терминологии не будет соблюдена. Однако существенно гораздо более трудная проблема при переводе терминологических развернутых словосочетаний с английского языка на русский заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев их дословный, близкий к тексту перевод оказывается по-русски семантически недостаточным и требует уточнений и конкретизации. Так, автоматический (дословный) перевод развернутого терминологического словосочетания *the use of iterative processes with test-driven development* как «использование итерационных процессов с разработкой через тестирование» (Google Translate) семантически недостаточен и стилистически неудачен: разработка чего? В тексте ему соответствует следующий смысл (контекстуальный перевод): ‘апробирование различных итеративных форматов представления данных пользователю’, ср.:

Based on the results from observation, D. Norman advocates the use of iterative processes with test-driven development [Tarp, Gouws 2020, 475]. Ср. также: *dictionary-based collocation studies* — «изучение словосочетаний на основе ?словаря», *an increasing number of dictionary-based collocation studies* — «растущее число исследований словосочетаний на основе ?словарей» (Google Translate).

Как видно из проведенного исследования (и ряда предшествующих публикаций), чаще всего перевод с английского языка на русский язык сложных составных (многокомпонентных) терминов требует экспликации разного рода смыслов, имплицитно представленных в компактных и свернутых терминологических выражениях на английском языке, т. е. в явном представлении дополнительных пояснительных компонентов в переводе. Так, предельно лапидарное англ. *lexicographic user research* не может быть передано (при первом упоминании) на русский язык дословно и буквально, как это делают все автоматические переводчики, а именно: ‘лексикографическое исследование пользователей’. Напротив, многословное и эксплицитное представление соответствующего сложного смысла в виде естественной для русского языка развернутой фразы типа *автоматическое отслеживание обращений пользователя к различным видам лексикографической информации*, которая по своему содержанию приближается к дефиниции соответствующего сложно-составного понятия, позволяет полностью пояснить сущность соответствующего технического процесса, который «позволяет определить пользовательские приоритеты и оперативно вносить коррективы в порядок предоставления различных подсказок и др. лингвистической информации в соответствующий лексикографический процессор» (см. [Tarp 2019, 244]).

Следует особо отметить, что самой сложной задачей в современной межъязыковой научной коммуникации является не столько перевод терминологических словосочетаний с английского языка на русский, сколько противоположный процесс: перевод с родного, русского языка на английский. Он оказывается еще в большей степени фразеологизированным и идиоматичным, чем перевод с английского языка на русский, а также более

наукоемким: необходимо (у)знать точно, как именно заданный смысл идиоматично выражается на иностранном английском языке. Самому сконструировать варианты перевода типа «*corpus-derived evidence*», «*self-directed L2 vocabulary learning*» и т. п. почти невозможно по той простой причине, что у них нет прямых, дословных аналогов-терминов в русском языке. Особенно показательным является тот факт, что подобные развернутые идиоматичные терминологические словосочетания не используются (по указанным выше причинам) при переводе названий научных публикаций с русского языка на английский.

9. Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что современные алгоритмы автоматического перевода научных текстов с русского языка на английский и с английского языка на русский требуют дальнейшего совершенствования, особенно с учетом отличительных особенностей современной научной терминологии и ее свернутого, идиоматического и в то же время активного, динамичного и многокомпонентного характера — с одной стороны, и с учетом новейших тенденций в цифровой лексикографии — с другой. Последние показывают, что благодаря новейшим цифровым технологиям и их стремительному развитию, а также в ответ на предъявляемые к ней принципиально новые требования, сама лексикография и создаваемые ею современные лексикографические ресурсы активно приобретают новые конструктивные свойства: динамичность, операциональность, интерактивность, многофункциональность, многоканальность (доступа), интегративность, инкорпорированность, персонифицированность (*personalization*, ориентация на (конкретного) пользователя), адаптивность (учет пользовательских задач), (автоматизированная) пользовательская настройка (*automated customization*), контекстуализация, а также индустриализация: разработка комплексных цифровых лексикографических служб и их симбиоз с интеллектуальными системами автоматизированной обработки естественного языка. Показательно, что новые задачи, которые ставят перед лексикографией новые технологии, не могут быть решены традиционными лексикографическими методами анализа потребностей пользова-

теля. Основным способом их решения становятся цифровые технологии, которые способны фиксировать и прогнозировать действия пользователя и его информационные потребности.

Особое место и значение в современной межъязыковой научной коммуникации занимает двуязычная терминография. Соответствующие двуязычные ресурсы пока слабо ориентированы на распознавание и перевод современной, высокотехничной, активной, динамичной, предельно содержательной терминологии, органично вписывающейся в текущий контекст, особенно в виде развернутых многокомпонентных терминологических словосочетаний-кластеров, от принципов включения которых в двуязычные терминологические ресурсы в значительной степени зависит уровень развития межъязыковой научной коммуникации.

Список сокращений

Adj — Adjective

Adv — Adverb

AW — Augmented Writing

CALL — Computer-assisted Language Learning

N — Noun

Num — Numeral

V — Verb

WA — Write Assistant

ИГ — Именная группа

ИИ — Искусственный интеллект

МП — Машинный перевод

Источники

IJL—2022 — International Journal of Lexicography. 2022. // <https://academic.oup.com/ijl>.

GPT—2 — Natural Language Understanding model «Generative Pre-trained Transformer 2 (GPT-2)»: an open-source artificial intelligence created by OpenAI . 2019.

WALL — Web Assisted Language Learning // <http://wall.eila.univ-paris-diderot.fr>.

Write Assistant — <https://www.writeassistant.com/da>.

Wordfast — <https://www.wordfast.com/>.

Литература

Рябцева Н. К. «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: Межъязыковой аспект // Научный диалог. 2019. № 6. С. 50—71. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-50-71>.

Рябцева Н. К. Термины как когнитивные доминанты в научной коммуникации и их межъязыковые соответствия // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 1 (44). С. 356—364.

Рябцева Н. К. Переводческие парадоксы и их когнитивная интерпретация / Н. К. Рябцева // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 4 (47). С. 383—390.

Abel A. Towards a systematic classification framework for dictionaries and CALL // S. Granger, M. Paquot (eds). eLexicography in the 21st century: New challenges, new applications. Proceedings of eLex-2009. Louvain-la-Neuve, 22-24 October, 2009. Cahiers du Cental, 2010. № 7. Pp. 3—11.

Abel A., Bracco St. From an online dictionary to an online dictionary writing system // G.-M. de Schryver (ed.). DWS 2006: Proceedings of the Fourth International Workshop on Dictionary Writing Systems. Pretoria: (SF) Press, 2006. Pp. 25—34.

Banks C. What is an Augmented Writing Platform? 2019. // <https://medium.com/swlh/what-is-an-augmented-writing-platform-b28fa588a1c5>.

Boelhouwer B., Sijens H., Dykstra A. Dictionary Portals. Pedro A. Fuertes-Olivera (Ed.). The Routledge Handbook of Lexicography. 2018. Pp. 754—766.

Bothma T. J. D., Tarp S. Why Relevance Theory Is Relevant for Lexicography // Lexicographica, 2014. № 30. Pp. 350—378.

- Colson E. What AI-Driven Decision Making Looks Like. 2019. // <https://hbr.org/2019/07/what-ai-driven-decision-making-looks-like> .
- Chen Yu. Effect of Learning Conditions on Collocation Gains: A Case Study of Task-based Dictionary Use Instruction // *Lexikos*, 2022, № 32 (AFRILEX-reeks/series 32: 2022). Pp. 1—30. (1679-Article Text-3062-1-10-20220227.pdf).
- Durán-Muñoz I. Specialised lexicographical resources: a survey of translators' needs // S. Granger, M. Paquot (eds). *eLexicography in the 21st century: New challenges, new applications*. Proceedings of eLex-2009, Louvain-la-Neuve, 22-24 October, 2009. Cahiers du Cental, 2010, № 7. Pp. 55—66.
- Frankenberg-Garcia A., Lew R., Rees G. Roberts J. C., Sharma N., Butcher P. *Collocaid* : Around 30 thousand academic English collocations and examples of collocations in context curated from expert writing corpora. 2021 // <http://www.collocaid.uk/>
- Fuertes-Olivera P.A., Tarp S. *Theory and Practice of Specialised Online Dictionaries: Lexicography versus Terminography*. Berlin/Boston: De Gruyter, 2014.
- Fuertes-Olivera P.A. Designing and Making Commercially Driven Integrated Dictionary Portals: the Diccionarios Valladolid-Uva // *Lexicography*, 2019, № 6(1). Pp. 21—41. doi.org/10.1007/s40607-019-00056-8.
- Fuertes-Olivera P.A., Esandi-Baztan M.A. Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the Diccionarios Valladolid-UVa // *Lexikos*, 2020, № 30 (AFRILEX-reeks/series 30). Pp. 90—110.
- Fuertes-Olivera P.A., Tarp S. A Window to the Future: Proposal for a Lexicography-assisted Writing Assistant // *Lexicographica*, 2020, № 36. Pp. 257—286.
- Fuertes-Olivera P.A., Tarp S., Sepstrup P. New Insights in the Design and Compilation of Digital Bilingual Lexicographical Products: The Case of the Diccionarios Valladolid-UVa. *Lexikos*, 2018, № 28. Pp. 152—176.

Gouws R.H. Increasing the Scope of the Treatment of Specialised Language Terms in General Dictionaries // Schierholz, S., R.H. Gouws, Z. Hollós and W. Wolski (Eds.). *Wörterbuchforschung und Lexikographie*. Berlin: De Gruyter, 2016. Pp. 101—119 // <https://doi.org/10.1515/9783110474251-007>.

Granger S. (ed.) *Optimizing the role of language in Technology-Enhanced Learning*. Proceedings of the expert workshop organized by the Integrated Digital Language Learning (IDILL) seed grant project. Louvain-la-Neuve (Belgium), 4—5 October 2007.

Granger S., Paquot M. Preface // *Cahiers du Cental*, 2010, № 7. «eLexicography in the 21st century New challenges, new applications». Proceedings of eLex 2009. Louvain-la-Neuve 22-24 October 2009. Sylviane Granger and Magali Paquot (eds). UKL Presses, 2010. Pp 1—5.

Huang F., Tarp S. Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement // *Lexikos*. 2021, № 31. P. 68—92. ([suphttp://lexikos.journals.ac.za](http://lexikos.journals.ac.za)) // <https://doi.org/10.5788/31-1-1626>.

Liew A. DIKIW: Data, Information, Knowledge, Intelligence, Wisdom and their Interrelationships // *Business Management Dynamics*. 2013, Vol. 2, Issue 10. Pp. 49—62.

Loewen S., Crowther D., Isbell D. R., Kim K. M., Maloney J., Miller Z. F., Rawal H. Mobile-Assisted Language Learning: A Duolingo Case Study // *ReCALL*, 2019, № 31(3). Pp. 293—311.

Kilgarriff A. How to monetise a web presence (and hoover a moose). A report on the elexicography conference at Louvain-la-Neuve, Belgium, 22—24 October 2009 // <http://www.uclouvain.be/en-307398.htm>

Marconi F. The Year of Augmented Writing. 2022. *Textio* // <http://www.techxplore.com>

OpenAi2019 // <https://openai.com/>.

Pajzs J. On the possibility of creating multifunctional lexicographical databases // H. Bergenholtz, S. Nielsen, S. Tarp (eds). *Lexicography at a Crossroads. Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow*. Bern: Peter Lang, 2009. Pp. 327—354.

Popowich F., Vogel C. A Logic Based Implementation of Head-Driven Phrase Structure Grammar // C. Brown and G. Koch (eds). *Natural Language Understanding and Logic Programming*, III. Elsevier, North-Holland. 1991. Pp. 227—246.

Riabtseva N. K. «From augmented reality to augmented human»: Contemporary information technologies and their impact on human intelligence // *Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling* (11—18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain). In 2 parts. Part 1. *Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of the XVII International Conference «Cognitive Modeling in Linguistics. CML-2016»*. Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. Pp. 412—421.

Riabtseva N. K. Contemporary digital technologies and innovations in human intelligence // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017, № 3 (11). Pp. 7—16. DOI: 10.18454/RULB.11.15

Riabtseva N. K. Cross-Cultural Communication: Its Asymmetry and Authenticity // *Nauchnyi dialog*. 2020, № 4. Pp. 130—150. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-130-150>. (In Russ.).

Riabtseva N. K. Contemporary terminological problems in a cross-linguistic perspective // *Nauchny Dialog*. 2022. № 8. (In Russ.). (In press)

de Schryver Gilles-Maurice. Lexicography in the crystal ball: Facts, trends and outlook. // Fjeld R. V., Torjusen J. M. (eds). *Proceedings of the 15th EURALEX International Congress*, 711. August, 2012. Oslo: Department of Linguistics and Scandinavian Studies, University of Oslo, 2012. Pp. 93—163.

Siepmann D. Collocation, Colligation and Encoding Dictionaries. Part II: Lexicographic Aspects // *International Journal of Lexicography*. 2006, № 19(1). Pp. 1—39.

Simonsen H. K. Augmented Writing and Lexicography: A Symbiotic Relationship? // *EURALEX. Proceedings*. 2020. Pp. 509—514.

Tarp S. *Lexicography in the borderland between knowledge and non-knowledge*. Tübingen: Niemeyer, 2008.

Tarp S. Connecting the Dots: Tradition and Disruption in Lexicography // *Lexikos*, 2019, № 29. Pp. 224—249.

Tarp S. Turning Bilingual Lexicography Upside Down: Improving Quality and Productivity with New Methods and Technology // *Lexikos*. 2022, № 32 (AFRILEX-reeks/series 32). Pp. 66—87.

Tarp S., Fisker K., Sepstrup P. L2-Writing Assistants and Context-Aware Dictionaries: New Challenges to Lexicography // *Lexikos*. 2017, № 27. Pp. 494—521.

Tarp S., Gouws R. H. Lexicographic Contextualization and Personalization: A New Perspective // *Lexikos*. 2019, № 29. P. 250—268.

Verlinde S. The Base *lexicale du français*: a multi-purpose lexicographic tool // *Cahiers du Cental*, 2010, n° 7. Pp. 335—342.

De Wachter L., Verlinde S., D'Hertefelt M., Peeters G., Tounsi L. How to deal with students' writing problems? Process-oriented writing support with the digital Writing Aid Dutch // Rak Rafal (Ed.) *The 25th International Conference on Computational Linguistics*, 2014. Dublin. Proceedings of the Conference. System Demonstrations. 2014, Pp. 20—25.

Wible D. Evolving approaches to Web-supported language learning: From platforms to platform-independent tools // Granger S. (ed.) *Optimizing the role of language in Technology-Enhanced Learning*. Proceedings of the expert workshop organized by the Integrated Digital Language Learning (IDILL) seed grant project, Louvain-la-Neuve (Belgium), 4-5 October 2007. Pp. 65—69.

**Contemporary lexicography, «augmented linguistic reality»
and terminographic challenges**

N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper shows that rapidly developing digital technologies radically transform contemporary lexicography and its principles in representing linguistic information, particularly for various intellectual systems and applications. New active trends in the evolution of lexicography and in the compiling and functioning of innovative lexicographic resources are revealed. Particular

attention is paid to a most urgent problem within contemporary cross-linguistic scientific communication — the lexicographic representation of modern terminology, which is stimulated by digital technologies, acquires fundamentally new properties and becomes more dynamic, multi-word, compositional, context-aware, cross-disciplinary, etc.

Key words: Digital technologies, lexicographic resources augmentation, Artificial Lexicographer, terminological clusters, cross-linguistic asymmetry.

Почему мы не хотим говорить по-русски¹

М.М. Сизов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются основные причины активного заимствования англицизмов в современном русском языке. Сложившаяся языковая практика может привести к сокращению исконно русского словарного запаса. Отмечается изменение в отношении к русскому языку со стороны его носителей.

Ключевые слова

Русский язык, англицизмы, исконно русский словарный запас.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

И.С. Тургенев, 1882

Сегодня мы все озабочены борьбой с эпидемией коронавируса. Однако не все осознают масштабы ещё одной эпидемии — эпидемии заимствования англицизмов, поразившей русский язык. Основными распространителями этой эпидемии являются средства массовой информации. Если, например, постоянно слушать радио Маяк, то может сложиться впечатление, что цель ведущих и гостей радио — исподволь уничтожить русский язык. Им тесно в русском языке, они не хотят говорить по-русски; они хотят заменить его на английский. По радио мы слышим: *Стиллавин тудей, Снегурочка тудей, сторителлинг, Сикрит плежас, лайфхакеры Аудиосториз, Тренд-вотчинг, топовые стрит-фотографы, ивент-хол, приложение Хоум конект от Бош, методика ай-трекинга, булинг, харасмент, 3-Д принтинг, коавтор сонграйтера, апгрейдинг, даунсайзинг, кэшбэк, чайлд-фри* и др. Этот

¹ Автор выражает глубокую благодарность аспирантам РАН Ольге Ильиной, Анастасии Павловой и Алексею Сергунину, принявшим живое участие в обсуждении темы данной работы.

список можно продолжать бесконечно. Каждый выступающий считает себя вправе вернуть в свою речь любой англицизм, не обращая внимания на то, понимает ли его радио-аудитория или нет. Ведь для многих используемых англицизмов можно легко найти русские эквиваленты. И всё это приобретает масштабы эпидемии. Иронично то, что наряду со шквалом англицизмов, захлестнувшим радио «Маяк», на этом же радио есть также постоянная рубрика «Училка против “Маяка”», в которой преподаватель русского языка Татьяна Гартман настойчиво правит ошибки в русском языке дикторов и гостей «Маяка».

Так почему же мы не хотим говорить по-русски? В чём причины столь радикальных изменений в русском языке?

Проблемы растущего потока заимствований из английского рассматриваются, в частности, в таких работах как [Кронгауз 2017; Маринова 2021; Маринова 2019; Сизов 2009; Сизов 2015]. Все авторы отмечают, что основной причиной заимствования англицизмов во всех языках (а не только в русском) являются интенсивные процессы глобализации, в которых основным языком международного общения является английский. Международное общение во всех областях — в науке, цифровых технологиях, экономике, финансах, медицине, спорте, искусстве, образовании, туризме и др. — требует унификации терминологии. А отсюда и то огромное количество англицизмов, которое мы отмечаем сегодня в русском языке. Но есть и другие причины.

Русский язык для нас — это естественная и всеобъемлющая психолингвистическая, семантическая, культурная среда, в которой мы живём. Мы его не замечаем. Мы им дышим, как воздухом. Мы обращаем на него внимание только тогда, когда нарушается коммуникация, когда делаются ошибки или когда используются специальные стилистические приёмы, чтобы привлечь внимание к высказыванию. Наиболее распространённым приёмом для привлечения внимания к своей речи сегодня является использование англицизмов. Например, если сказать, что *вирус заразный*, то многие могут пропустить это мимо ушей. А вот если сказать, что он *контагиозный*, то народ встрепенётся и даже, может быть, за-

глянет в словарь — мыть руки или не мыть? К счастью, пока это слово не приобрело широкой популярности, т.к. некоторым официальным лицам, пытавшимся запустить его в обиход, поначалу было трудно его выговаривать. Ещё одним показательным примером является высказывание нашего министра иностранных дел о том, что *договор надо пролонгировать, чтобы потом его имплементировать*. Использование двух английских глаголов в таком коротком предложении придаёт высказыванию большую значимость. Если с глаголом *пролонгировать* мы ещё худо-бедно знакомы из нашего общения с банками, то глагол *имплементировать* может заставить сидящих у телевизора задуматься. Интересно и употребление глагола *мониторить*. Есть некоторые официальные лица, появляющиеся на телеэкранах каждый день, которые только и делают, что всё *мониторят* круглосуточно. Не *следят*, не *отслеживают*, не *наблюдают* и даже, хотя бы, не *контролируют*, а именно *мониторят*, что, вероятно, придаёт больший вес их деятельности и предполагает интенсивный процесс с использованием современных средств, таких как компьютеров и мониторов. У некоторых *спикеров мониторить* появляется и в форме *мониторировать*.

Насыщение своей речи англицизмами служит не только целям привлечения внимания к речи, но также должно подчёркивать статус автора, сообщать всем, что он знает английский язык, идёт в ногу со временем и, вообще, что он «впереди России всей».

Не следует забывать и о магической функции языка: как сказали — так и будет, а если не говорить, то ничего и не случится. Вспомним обычные *Спокойной ночи! Будьте здоровы! Счастливого пути!* Эта особенность использования языка может создавать иллюзию того, что употребление большого количества англицизмов поможет коренным образом изменить нашу жизнь и приблизить богатое и кажущееся нам безмятежным будущее.

Постоянная игра в украшение и повышение значимости своей речи может слишком далеко зайти, она может привести к сокращению объёма исконно русских слов. Уже сегодня мы видим, как угроза исчезновения нависла над словом *хороший* — всё стало *комфортным*: погода, температура, давление, самочувствие, условия, отдых, цены и др. Слово

подробности заменилось на *детали*; *больница* под влиянием английского *больницы* для военных; *содержание* превращается в *контент*, *творческий* — в *креативный*, а *транспортные узлы* уже стали *хабами*.

Чрезмерное злоупотребление англицизмами может приводить к нарушению процесса коммуникации. Например, ещё недавно в футбольных комментариях можно было услышать такие слова, как *вратарь*, *нападающий*, *защитник*, *полузащитник*, *дополнительное время*, *оштрафовать*, *штрафная карточка*, *болельщик* и др. Сегодня для человека, не являющегося заядлым футбольным болельщиком, футбольные новости на радио Маяк звучат как язык некой тайной секты: *хафбек*, *страйкер*, *форвард*, *оформить дубль*, *пенальти*, *хет-трик*, *дриблинг*, *вайлд кард*, *овертайм*, *фолить*, *буллиты*, *плей-ин*, *плей-офф*, *фэн-айди*, *спарринг* и др. На кого рассчитаны такие передачи? Ведь предполагается, что радио «Маяк» вещает на русском языке.

При рассмотрении причин сильного влияния английского языка на русский сегодня не стоит забывать и о природной консервативности языка, призванной обеспечивать адекватное общение как в синхронии (между людьми в одном временном плане), так и в диахронии (между людьми разных временных периодов). Язык изменяется медленно, а общество сегодня развивается с огромной скоростью. Язык за обществом не успевает, или успевает, но лишь с большим трудом. Люди хотят нового не только в своей жизни, но и в языке. Нам надоели *транспортные узлы* — мы хотим *хабов*. Мы не хотим *наблюдать*, *следить*, *отслеживать* — мы хотим *мониторить*! Нам не нужны *места*, нам нужны *локации*. И выбор мы хотим делать не *случайно*, а *рандомно*! Мы хотим видеть обновление в языке! Мы хотим новых слов! Мы устали от старых слов! Но язык не может срочно придумать новые слова или найти свои исконные слова для всех новых объектов и понятий. Поэтому он компенсирует свою медлительность заимствованиями из других языков. И примеров тому множество во всех областях. Хотя, успели же возникнуть в русском языке и *большой взрыв* (*Big Bang*), и *чёрные дыры* (*black holes*), и *белые карлики* (*white dwarves*).

Семантическое своеобразие иностранного языка может завораживать, особенно тех, кто только начинает его изучать. В иностранном слове или словосочетании мы можем увидеть возможности передачи таких оттенков значений, которые отсутствуют в родном языке. Можно услышать, что *мониторить* — это не только *следить*, но и *контролировать* и *управлять*, что *контент* — это лучше, чем *содержание*, потому что это ещё и *продукт*. И это тоже может служить причиной заимствования. Но если исходить из таких позиций, то ни одно слово русского языка не имеет шансов на выживание, т.к. в двух разных языках очень трудно найти пары слов, которые бы полностью совпадали во всём своём семантическом объёме. Особенно ярко влияние семантического своеобразия языка проявляется на примере калькирования идиом: *дорожная карта* ‘план действий’, *мяч на вашей стороне* ‘слово за вами’, *положить все яйца в одну корзину* ‘рисковать всем’, *находиться в одной лодке* ‘быть в одинаковых условиях, в одной положении’ и др.

Человеческий язык является крайне несовершенным средством общения: мы не можем при помощи одного языка передать всех оттенков наших чувств и мыслей, которые могут без труда выражаться средствами другого языка. Отсюда и стремление учёных создать средства общения без языка, непосредственно от мозга к мозгу («брейн-ту-брейн»). Семантическое своеобразие языков объясняет и то, что в идеале считается, что перевод между языками невозможен: нельзя на двух разных языках выразить абсолютно одно и то же. Отсюда и возникновение функциональных теорий перевода, т.е. перевода, обеспечивающего с максимально возможной точностью адекватное общение.

В целом, интенсивное заимствование англицизмов в русском языке сегодня, обусловленное разнообразными факторами функционирования и развития общества и языка, с одной стороны, обогащает словарный запас русского языка, а, с другой, может вести к сокращению использования исконно русских слов. Оно может облегчать общение в специальных областях, но и затруднять его при чрезмерном использовании англицизмов в других сферах. В некоторых областях и ситуациях мы не можем обойтись без англицизмов,

но очень часто и по известным причинам мы не хотим использовать русское слово, предпочитая ему заимствование из английского.

Быстро меняется мир, и язык тоже должен меняться быстро. И наш «великий, могучий, правдивый и свободный» уже не тот, что во времена И.С. Тургенева, и мы не видим священной бережного отношения к тому, что когда-то являлось одной из форм выражения духа нации.

Литература

1. Бурцева А. Словарь молодёжного слэнга. <https://vc.ru/u/776484-anna-burceva/228877-slovar-molodezhnogo-slenga>.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2017.
3. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. URSS, 2021.
4. Маринова Е.В. Влияние полисемии иноязычного слова на его грамматические признаки (на материале русского языка новейшего периода) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 20. М., 2019. С. 139—146.
5. Сизов М.М. О влиянии современного английского языка на русский // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 1, 2009. С. 179—192.
6. Сизов М.М. О новой русскоязычной среде в России сегодня // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып.7, 2015. С. 252—269.

Why We Don't Want to Speak Russian

**M.M.Sizov (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper analyses the main causes of extensive borrowings of English words and phrases into modern Russian. The undergoing processes may reduce the original word-stock of the Russian language. The author also specifies a change of attitude to the Russian language we speak today.

Keywords: Russian language, borrowings from English, original Russian word-stock.

Содержание

Проблемы описания языка

Бабенко Н.С. (Институт языкознания РАН). О процессах специализации некоторых грамматических ресурсов в современном немецком языке	4
Зотова А.К., Коломацкий Д.И., Романова О.И. (Институт языкознания РАН). Значимое отсутствие: лакуны в описании языков (на материале базы данных «Языки мира» ИЯз РАН).....	20
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН). Активаторы, лежащие в основе номинации страха.....	39
Кожемякина В.А. (Институт языкознания РАН). К вопросу о формировании французского письменно-литературного языка.....	57
Рябцева Н.К. (Институт языкознания РАН). Современная лексикография, «дополненная лингвистическая реальность» и проблемы терминографии.....	75
Сизов М.М. (Институт языкознания РАН). Почему мы не хотим говорить по-русски.....	111

Об авторах

Бабенко Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН; e-mail: babenkons@iling-ran.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zotova@iling-ran.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Кожемякина Валентина Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; e-mail: kozhemyakina@iling-ran.ru.

Коломацкий Дмитрий Игоревич, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: lemon_tree@list.ru, dmitry.kolomatskiy@gmail.com.

Романова Ольга Иосифовна, научный сотрудник сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН; e-mail: olgaromanov@gmail.com.

Сизов Михаил Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: mmsizov@mail.ru.